

ТАМБОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 Октября № 10. 1870 года.

I.

Распоряженія Правительственныя.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА:

Отъ 31 декабря 1869 года за № 63. *О доставленіи съ 1870 года извлеченій изъ отчетовъ о суммахъ на призрѣніе бѣдныхъ духовнаго званія въ Контроль при Святѣйшемъ Синодѣ.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 31-го Октября 1869 года за № 13096, слѣдующаго содержанія: указами Святѣйшаго Синода, отъ 31-го Октября 1840 и 30-го Августа 1841 годовъ, предписано Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, чтобы они, по обревизованіи временнымъ комитетомъ отчетовъ въ суммахъ на призрѣніе бѣдныхъ духовнаго званія, извлеченія изъ отчетовъ доставляли по принадлежности, по утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ формѣ, въ Хозяйственное Управление. Но такъ какъ нынѣ вся отчетность въ суммахъ Духовнаго вѣдомства сосредоточена въ Контроль при Святѣйшемъ Синодѣ, то и извлеченія изъ отчетовъ о суммахъ на призрѣніе

бѣдныхъ духовнаго званія должны быть доставляемы съ 1870 года не въ Хозяйственное Управление, а въ Синодальный Контроль. Приказали: Согласно настоящему предложенію Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, дать знать по духовному вѣдомству циркулярными указами, чтобы извлеченія изъ отчетовъ о суммахъ на призрѣніе бѣдныхъ духовнаго званія были доставляемы съ 1870 года Епархіальными Попечительствами не въ Хозяйственное Управление, а въ Контроль при Святѣйшемъ Синодѣ.

Отъ 17-го Января 1870 года за № 8. *По Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта о сокращеніи льготныхъ сроковъ и измененіи некоторыхъ статей смѣтныхъ правилъ.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19-го Декабря 1869 года за № 15275, слѣдующаго содержания: Г. Министръ Финансовъ, отъ 11-го Декабря 1869 года за № 5759, препровождая копію съ Высочайше утвержденного 24-го Ноября 1869 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, о сокращеніи льготныхъ сроковъ и измененіи нѣкоторыхъ статей смѣтныхъ правилъ, просить сдѣлать надлежащее распоряженіе по подвѣдомственнымъ Святѣйшему Синоду учрежденіямъ, чтобы всѣ вновь установленные сроки заключенія смѣтныхъ періодовъ, а равно и другія статьи смѣтныхъ правилъ, измененныя настоящимъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, были ими исполняемы въ отношеніи смѣтнаго періода 1869 года, срокъ заключенія котораго долженъ быть опредѣленъ сообразно нынѣ послѣдовавшему указанію. Копію съ означеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта Господинъ Синодальный Оберъ-Прокуроръ предлагаетъ Святѣйшему Синоду, для объяв-

нія о такомъ постановленіи по Духовному вѣдомству циркулярнымъ указомъ. Приказали: О содержаніи настоящаго предложенія Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора дать знать по всему духовному вѣдомству циркулярными указами, съ приложеніемъ копій съ Высочайше утвержденного 21 Ноября 1869 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о сокращеніи льготныхъ сроковъ и измѣненіи нѣкоторыхъ статей смѣтныхъ правилъ, — къ должному, въ потребныхъ случаяхъ, исполненію и руководству.

Копія.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта о сокращеніи льготныхъ сроковъ дѣйствія смѣтныхъ периодовъ и объ измѣненіи порядка представленія финансовыхъ отчетовъ о заключенныхъ росписяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта

КОНСТАНТИНЪ.

24 Ноября 1869 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта. Выписано изъ журналовъ Департамента Государственной Экономіи 4-го Іюня и 4-го Сентября и Общаго Собранія 3 Ноября 1869 года.

(№ 773, по кн. исход.)

Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Государственной Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ о сокращеніи льготныхъ сроковъ дѣйствія смѣтныхъ периодовъ и объ измѣненіи порядка представленія финансовыхъ отчетовъ о заключенныхъ росписяхъ, *мнѣніемъ положила:*

I. Въ измѣненіе и отмѣну нижеслѣдующихъ статей дѣйствующихъ смѣтныхъ правилъ постановить:

1) Въ измѣненіе ст. 24: „Государственный Контроль представляетъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, не позже 1-го октября, составленный имъ общій отчетъ по исполненію финансовыхъ смѣтъ за послѣдне истекшій смѣтный періодъ, располагая этотъ отчетъ по подраздѣленіямъ смѣтъ (по параграфамъ и статьямъ) съ буквальныймъ сохраненіемъ ихъ текста.

2) Въ измѣненіе ст. 35: „Если къ 31 му Декабря по кредитамъ хозяйственно-операціоннымъ не будетъ сдѣлано распоряженій къ заготовленію предметовъ или къ совершенію работъ (т. е. по операціямъ контрактнымъ не будетъ произведено торговъ, а по операціямъ, производимымъ хозяйственнымъ образомъ, не будетъ сдѣлано начальствомъ распоряженій о производствѣ операцій), а по всѣмъ прочимъ кредитамъ (въ томъ числѣ и на содержаніе управленій) не будетъ произведено дѣйствительныхъ по статьямъ смѣты расходовъ, то всѣ таковыя кредиты финансовыхъ смѣтъ уничтожаются.

3) Въ отмѣну статей 36 и 37: „При непремѣнномъ соблюденіи вышеизложенныхъ условій, для окончанія расчетовъ съ кредиторами казны и для полнаго ихъ удовлетворенія полагается особый льготный срокъ, который предназначается по расходамъ хозяйственно-операціоннымъ—для окончанія операцій, составленія расчетовъ, требованій о производствѣ уплатъ и самой выдачи денегъ, по расходамъ на содержаніе управленій—для назначенія изъ остатковъ отъ кредитовъ на содержаніе личнаго состава и на канцелярскіе расходы, наградъ и пособій чиновникамъ (33 ст.) и для удовлетворенія содержанія лицъ, находившихся въ отсутствіи, и наслѣдниковъ умершихъ чиновниковъ; по всѣмъ же прочимъ расходамъ для про-

изводства, выдачь по неконченнымъ въ теченіи смѣтнаго года расчетамъ“.

Примѣчаніе: Наблюденіе за условіями продолженія кредитовъ за предѣлы 31-го Декабря производится Государственнымъ Контролемъ.

4) Въ измѣненіе ст. 38: „Крайнимъ предѣломъ дѣйствія льготнаго срока полагается для расходовъ всѣхъ вообще вѣдомствъ, за исключеніемъ Военнаго, 30 Апрѣля, а для Военнаго Министерства 31-го Мая слѣдующаго за смѣтнымъ года“.

5) Въ измѣненіе ст. 39: „Дабы къ означенному въ предъидущей статьѣ сроку Министерства и Главнаго Управленія могли имѣть полныя свѣдѣнія о расходахъ, произведенныхъ изъ ихъ кредитовъ подвѣдомыми имъ распорядителями, проживающими въ губерніяхъ и областяхъ, право сихъ послѣднихъ распорядителей на выдачу предписаній и обязанность мѣстныхъ кассъ по удовлетворенію сихъ предписаній прекращается однимъ мѣсяцемъ, а для губерній Сибирскихъ и Ставропольской, для Туркестанскаго Генераль-Губернаторства и для Закавказскаго края, на 1½ мѣсяца ранѣе общаго (ст. 38), для Министерствъ и Главныхъ Управленій установленнаго срока заключенія смѣтъ.“

Примѣчаніе. Ограниченіе, въ сей статьѣ указанное, касается собственно губернскихъ распорядителей кредитами, Министры же и Главноуправляющіе сохраняютъ свое право на производство расходовъ изъ мѣстныхъ кассъ до наступленія сроковъ, въ ст. 38 указаннаго.

6) Въ измѣненіе ст. 40: „По наступленіи означеннаго въ ст. 38 срока, открытые Министромъ и Главноуправляющимъ кредиты уничтожаются въ самый день заключенія смѣтъ (30 Апрѣля и 31-го Мая), причемъ въ Министерствѣ Финансовъ составляется балансъ заключенной росписи, и остающаяся отъ испрошенныхъ кредитовъ сумма, за исключеніемъ той части оной, которая причтается къ

выдачѣ кредиторамъ казны, внесеннымъ при заключеніи смѣты въ именные списки, считается свободнымъ ресурсомъ Государственнаго Казначейства.

и 7) Въ измѣненіе ст. 46. „По окончаніи каждаго года, къ 1 му Мая слѣдующаго, Министерство Финансовъ представляютъ Государственному Совѣту годовой кассовой отчетъ объ оборотахъ суммъ Государственнаго Казначейства“.

II. Статью 51 тѣхъ же правилъ дополнить примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія:

Примѣчаніе. Испрошеніе сверхсмѣтныхъ, какъ дополнительныхъ, какъ и экстраординарныхъ кредитовъ, въ теченіе льготнаго срока не допускается.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ Предсѣдателями и Членами.

Съ подлиннымъ вѣрно: Государственный Секретарь
Д. Сольскій.

Повѣрялъ: Статсъ-Секретарь Н. Пановъ.

Отъ 15-го Января 1870 г. за № 3. *О воспрещеніи выдавать ученикамъ исключеннымъ изъ духовно-учебныхъ заведеній копіи съ опредѣленной объ ихъ исключеніи.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Исправлявшаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24-го Сентября 1869 года за № 4180, въ коемъ изъяснено, что исключенные изъ духовно-учебныхъ заведеній, за неодобрительное поведеніе или напращеніе, воспитанники не рѣдко обращаются къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода съ жалобами на неправильное, будто бы, удаленіе ихъ изъ заведеній, и при этомъ представляютъ засвидѣтельствованныя копіи съ опредѣленій объ ихъ исключеніи, выданныя имъ по ихъ прось-

бамъ, за подписями, скрѣпами и печатами тѣхъ самыхъ начальствъ, которыя ихъ исключили. Между тѣмъ семинарское или училищное Правленіе не принадлежитъ къ числу присутственныхъ мѣстъ, обязанныхъ выдавать копій съ своихъ опредѣленій; притомъ исключеніе воспитанника не есть дѣйствіе судебное, а административное, имѣющее цѣлю не столько наказаніе виновнаго, сколько предохраненіе его товарищей отъ заразы его неисправимой порочности или предотвращеніе напрасной траты на содержаніе неспособнаго тѣхъ расходовъ, которые могутъ быть съ пользою употреблены на образованіе другаго воспитанника, могущаго въ будущемъ принести пользу Церкви и Отѣчеству. По симъ соображеніямъ, Господинъ Исправлявшій должность Оберъ-Прокурора предложилъ Святѣйшему Синоду, не признано ли будетъ полезнымъ воспретить начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній удовлетворять требованіямъ исключаемыхъ учениковъ о выдачѣ копій съ опредѣленій, на основаніи коихъ они исключаются. Приказали: Согласно настоящему предложенію Господина исправляшаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, предписать начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній, чтобы не удовлетворяли требованіямъ исключаемыхъ учениковъ о выдачѣ копій съ опредѣленій, на основаніи коихъ они исключаются, тѣмъ болѣе, что о главныхъ основаніяхъ исключенія и о самомъ исключеніи изъ заведенія излагается въ выдаваемыхъ исключеннымъ ученикамъ свидѣтельствахъ; для чего и послать Епархіальнымъ Преосвященнымъ указъ.

Отъ 15 го Января 1870 г. за № 4. *О томъ, какъ должно быть приводимо въ исполненіе требованіе § 181 Сем. Устава и о проч.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предло-

женный Господиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 2 го Октября 1869 года за № 269, журналъ Учебнаго Комитета о ревизіи одной изъ семинарій. Въ журналѣ этомъ, между прочимъ, заключено: Предписать циркулярно Семинарскимъ Правленіямъ: 1) что правило, заключающееся въ § 181 Устава Дух. Семин., обязательно для учениковъ только за періодъ времени наступившій послѣ преобразованія Семинарій по новому Уставу, и потому не можетъ быть примѣняемо къ Семинаріямъ непреобразованнымъ, равно и въ преобразованныхъ не можетъ распространяться на время прошедшее до введенія новаго Устава; 2) чтобы ученики замѣченные въ пьянствѣ, исключаемы были изъ учебнаго заведенія немедленно, причѣмъ о тѣхъ изъ нихъ, которые буйствомъ и сопротивленіемъ начальству или инымъ образомъ обнаружатъ дурное направленіе, должно быть доносимо Господину Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 13 и 29 Ноября 1867 года; 3) чтобы ученикамъ Семинарій, увольняемымъ по прошеніямъ и исключеннымъ за безуспѣшность или неодобрительное поведеніе, выдаваемо было только свидѣтельство изъ Семинарскаго Правленія по установленной формѣ и съ точнымъ обозначеніемъ, что исключаемый поступилъ въ Семинарію по окончаніи курса въ N.N. уѣздномъ училищѣ. Приказали: Изложенное заключеніе Комитета объявить циркулярнымъ указомъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ къ руководству Семинарскихъ Правленій.

Отъ 15 Января 1870 г. за № 6. *Относительно преподаванія Церковной Исторіи въ Духовныхъ Семинаріяхъ.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Господиномъ Исправлявшимъ должность Сино-

дальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 27-го Сентября 1869 года за № 260, журналъ Учебнаго Комитета, по дѣлу о ревизіи одной изъ Духовныхъ Семинарій. Въ журналѣ этомъ между прочимъ объяснено: Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ Семинаріяхъ прежнее руководство по Церковной Исторіи замѣнено книгою Куртца, въ переводахъ протоіерея Рудакова или священника Михайловскаго, Учебный Комитетъ признаетъ необходимымъ разъяснить циркулярно Семинарскимъ Правленіямъ, что отзывъ Учебнаго Комитета о недостаткахъ руководства по Церковной Исторіи Архимандрита Иннокентія, при неимѣніи другаго лучшаго учебника по сему предмету, не вызываетъ къ устраненію его или къ замѣнѣ его книгами, признанными Учебнымъ Комитетомъ вовсе неудобными для употребленія ихъ воспитанниками, и что, въ ожиданіи новаго болѣе удовлетворительнаго руководства по Церковной Исторіи, паставникамъ слѣдуетъ держаться руководства по Церковной Исторіи Архимандрита Иннокентія, устраняя по возможности указанные въ семъ учебникѣ недостатки, или составлять собственныя записки, изъ коихъ нѣкоторыя, быть жмоетъ со временемъ восполнять ощущаемый въ настоящее время недостатокъ удовлетворительнаго руководства по помянутому предмету. Приказали: Изложенное заключеніе Комитета объявить циркулярнымъ указами Епархіальнымъ Преосвященнымъ къ руководству Семинарскихъ Правленій.

Но вопросу о распредѣленіи епархіальной суммы, назначаемой на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, между семинаріей и духовными училищами.

1) *Извлеченіе изъ Заключенія Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 26 марта, № 46.*—Въ виду недоумѣній, возникшихъ относительно вопроса о распредѣленіи епархіальныхъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній рязанской епархіи, Учебный Коми-

теть полагалъ бы разъяснить по сему предмету слѣдующее:

Такъ какъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ уставовъ и штатовъ духовныхъ семинарій и училищъ, содержаніе училищъ, за исключеніемъ личнаго состава начальствующихъ и учащихъ въ оныхъ, отнесено на мѣстныя средства училищныхъ округовъ, то изыскиваемая для сей цѣли духовенствомъ округа средства и должны быть обращаемы на удовлетвореніе нуждъ окружнаго училища. При недостаточности средствъ духовенства какого либо округа, преимущественно въ особыхъ случаяхъ, какъ-то: при истребленіи пожаромъ училищныхъ зданій, неурожаѣ въ извѣстномъ училищномъ округѣ и т. п., окружный съѣздъ представляетъ о своихъ нуждахъ и обстоятельствахъ мѣстному преосвященному, который и предлагаетъ общепархіальному съѣзду оказать помощь недостаточному училищу. За изъятіемъ подобныхъ случаевъ участія общепархіальнаго съѣзда въ хозяйственныхъ дѣлахъ училищъ, ему исключительно принадлежитъ изысканіе средствъ на содержаніе параллельныхъ отдѣленій, открываемыхъ по § 8-му семинарскаго устава, а именно на вознагражденіе преподавателей въ сихъ отдѣленіяхъ, и жалованье помощнику инспектора, если бы таковой оказался нужнымъ вслѣдствіе увеличенія числа воспитанниковъ при открытіи параллельныхъ отдѣленій; но сіи средства не должны быть взимаемы изъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе училищъ, и не въ ущербъ этимъ учебнымъ заведеніямъ, а должны быть изыскиваемы особо.

Что же касается вспомошествованія со стороны епархіальнаго духовенства бѣднымъ воспитанникамъ семинаріи, то, принимая во вниманіе, что бѣднѣйшіе изъ нихъ, на основаніи § 10-го устава, содержатся на средства Святѣйшаго Синода и число таковыхъ простирается до половины нормальнаго числа всѣхъ воспитанниковъ семинаріи, и въ

виду того, что, въ случаѣ недостаточности сего числа, епархіальный преосвященный, на основаніи примѣчанія къ § 166 семин. уст., можетъ ходатайствовать предъ Святейшимъ Синодомъ объ отпускѣ дополнительной на сей предметъ суммы, — таковыя вспомошествованія изъ епархіальныхъ средствъ, какъ необязательныя, принадлежатъ свободному усмотрѣнію духовенства, и не могутъ быть вносимы въ составляемую семинарскимъ правленіемъ смѣту постоянныхъ и опредѣленныхъ по семинаріи расходовъ. Равнымъ образомъ не подлежатъ внесенію въ смѣту семинарскихъ расходовъ изъ епархіальныхъ суммъ и вводимыя въ нее правленіемъ рязанской семинаріи статьи: на отопленіе комнатъ, въ которыхъ помѣщаются епархіальные классы, на канцелярію, бібліотеку, больницу, наемъ сторожа и т. п., такъ какъ эти статьи, будучи обезпечены назначаемыми отъ Святейшаго Синода по штату суммами, не имѣютъ нужды въ обязательномъ пособіи со стороны епархіальнаго духовенства. Посему правленію рязанской семинаріи должно быть на будущее время вмѣнено въ обязанность: при составленіи смѣты на содержаніе епархіальныхъ классовъ, въ случаѣ, если духовенство признаетъ необходимымъ ихъ существованіе, не включать въ сію смѣту вспомошествованій бѣднымъ воспитанникамъ семинаріи, а равно и такихъ статей, которыя принадлежатъ къ общимъ расходамъ по семинарскому хозяйству и должны быть покрываемы изъ штатныхъ суммъ.

Относительно же изложеннаго въ отношеніи рязанскаго преосвященнаго предложенія о закрытіи при тамошней семинаріи 1-го параллельнаго епархіальнаго класса и открытіи, взамѣнъ того, высшихъ классовъ при рязанскомъ училищѣ, учебный комитетъ полагаетъ, что епархіальныя параллельныя отдѣленія при семинаріи и высшіе классы при училищѣ, по особому предназначенію и различію въ способахъ содержанія тѣхъ и другихъ, въ случаѣ желанія

духовенства и доставленія со стороны его средствъ къ содержанію оныхъ, могли бы, согласно §§ 8 семинар. и 9 училищнаго уставовъ, существовать совмѣстно.

2) *Извлеченіе изъ заключенія Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 18 марта, № 2719.* — Имѣя въ виду, что съ преобразованиемъ, съ 1 іюля 1867 года, духовно-учебныхъ заведеній рязанской епархіи, по Высочайше утвержденнымъ 14 мая 1867 года уставамъ и штатамъ духовныхъ семинарій и училищъ, сумма на содержаніе рязанской семинаріи и личнаго состава духовныхъ училищъ ежегодно назначается по смѣтамъ семинаріи на всѣ статьи расходовъ въ размѣрѣ, опредѣленномъ по новымъ штатамъ, и что за тѣмъ весь избытокъ свѣчнаго дохода^а противъ поступленія онаго за 1865 годъ, дополнительные взносы отъ церквей и пожертвованія монастырей, кафедральныхъ соборовъ и духовенства, за исключеніемъ лишь расхода на пенсіи и классные оклады лицамъ, не состоящимъ на духовно-училищной службѣ, обращены въ пособіе къ мѣстнымъ средствамъ на содержаніе духовныхъ училищъ рязанской епархіи, Хозяйственное Управленіе не можетъ признать правильнымъ назначеніе расходовъ изъ церковно-сборной суммы рязанской епархіи на такія потребности тамошней семинаріи, какъ на содержаніе зданій, канцелярію и больницу, на которыя ассигнуется по штату полная сумма, вполне обеспечивающая эти потребности, тѣмъ еще болѣе, что, по засвидѣтельствованію преосвященнаго, оказываются настоятельныя нужды въ надлежащемъ устройствѣ духовныхъ училищъ въ гг. Сапожкѣ, Касимовѣ и Зарайскѣ, содержаніе которыхъ лежитъ на обязанности духовенства за исключеніемъ личнаго состава, въ такомъ видѣ, чтобы они вполне соотвѣтствовали новому уставу; равнымъ образомъ Хозяйственное Управленіе находитъ преждевременнымъ отчисленіе изъ сборно-церковной суммы до 800 р. на выдачу вспомошествованія бѣд-

нымъ ученикамъ семинаріи. За тѣмъ, обращаясь къ вопросу о параллельныхъ классахъ при семинаріи, Хозяйственное Управленіе находитъ, что въ виду § 8 уст. дух. семинарій, которымъ допускается открытіе таковыхъ классовъ и на мѣстныхъ средства, при увеличеніи числа учащихся противъ установленной нормы, отъ духовенства зависить открыть или закрыть параллельные классы при семинаріи, смотря потому, будутъ ли позволять его мѣстные денежныя средства. Наконецъ, что касается третьяго (сверхштатнаго) помощника инспектора при семинаріи, то назначеніе его зависить отъ числа учениковъ семинаріи.

Что касается поступающихъ отъ монастырей на пользу духовно-учебныхъ заведеній пожертвованій, то указомъ Святѣйшаго Синода пояснено, что сіи пожертвованія не могутъ быть приурочиваемы къ тому или другому училищному округу по мѣсту нахождения монастыря, а должны распределяться между духовно-учебными заведеніями епархіи, по усмотрѣнію епархіальнаго съѣзда духовенства, съ утвержденія епархіальнаго архіерея.

II.

Распоряженіе Епархіальнаго начальства.

Г. предсѣдатель Тамбовской губернской земской управы, о отношеніемъ отъ 4 минувшаго августа за № 785, увѣдомилъ Его Преосвященство:— „2 августа, въ Воскресенье, въ бытность члена губернской управы г. Маслова, во время утренней литургіи, въ Уткинской церкви, церковной староста сообщилъ ему, что поставленная кружка на паперти сказанной церкви ночью 31 іюля найдена имъ разломанною.“

Г. предсѣдатель управы, принимая во вниманіе, что подобное позднее увѣдомленіе даетъ возможность укрыться злонамѣреннымъ людямъ отъ законнаго преслѣдованія

и воспользоваться неправо приобретеннымъ ими достоинствомъ, просилъ Его Преосвященство вмѣнить въ обязанность всемъ священноцерковнослужителямъ Тамбовской губерніи, тѣхъ церквей, гдѣ разрѣшено выставить кружки въ пользу нищихъ, убогихъ и благотворительныхъ заведеній, чтобы они о подобнымъ случаяхъ сообщали безъ замедленія губернской управѣ и тѣмъ содѣйствовали бы раскрытію преступленій. Тамбовская Духовная Консисторія, по разсмотрѣніи отношенія предсѣдателя управы, постановила и Его Преосвященство утвердилъ: Это отношеніе для всеобщаго свѣдѣнія духовенству пропечатать въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, съ тѣмъ, чтобы о подобныхъ, прописанныхъ въ отношеніи, случаяхъ священноцерковнослужители немедленно доносили губернской земской управѣ. О чемъ, съ прописаніемъ отношенія, сообщить въ редакцію епархіальныхъ вѣдомостей.

III.

Извѣстія и объявленія.

ОВЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1871 году.

Изданіе журнала *Душеполезное Чтеніе*, при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1871 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною своей первоначальной задачѣ—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

въ составъ журнала будутъ входить по прежнему:

1) Труды, относящіяся къ изученію Св. Писанія. По этой части Редакція будетъ продолжать трудъ истолкова-

лія церковныхъ чтеній изъ Св. Писанія, пзвѣстныхъ подъ именемъ *паремій*. 2) Статьи догматическаго и правоучительнаго содержанія. Въ нихъ не будутъ упускаемы изъ виду современныя явленія въ общественной жизни, согласныя или не согласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Разказы изъ общей церковной исторіи, и изъ исторіи русской Церкви. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи относящіяся къ православному Богослуженію. 6) Очерки изъ священной географіи. 7) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 9) Миссіонерскія свѣдѣнія. 10) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 11) Разныя извѣстія и замѣтки.

Сверхъ того предположено продолжать изданіе древняго патерика, въ переводѣ съ греческаго, прерванное въ 1862 году.

Душеполезное Чтеніе по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки: 5 руб.; съ пересылкою иногороднымъ и съ доставкою Московскимъ подписчикамъ 5 руб. 50 коп.

Оставшіеся не разобранными полные экземпляры *Душеполезнаго Чтенія* за 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы отпускаются по два рубля съ пересылкой; за 1867, 1868, 1869 и 1870 годы по три рубля съ пересылкою.

Подписка на *Душеполезное Чтеніе* принимается: Въ Москвѣ въ домѣ редактора, священника Николаевской, въ Толмачахъ, церкви, Василія Нечаева; въ конторѣ Университетской типографіи; у книгопродавцевъ: Соловьева, Глазунова, Оерапонтова и Салаева. Въ С.-Петербургѣ: въ

книжныхъ магазинахъ Кораблева, Вазунова и Глазунова.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки *исключительно* въ редакцію *Душеполезнаго Чтенія* въ Москвѣ.

Издатель и редакторъ священникъ *Василій Печавъ*.

Въ Казани вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу: *Церковная Исторія*, соч. *Ф. Р. Гассе*, переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею профессора Казанской духовной академіи *И. Соколова*, второй томъ. Цѣна: безъ пересылки 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Желающіе получать эту книгу могутъ обращаться съ своими требованіями въ Казань, — къ профессору академіи *И. И. Соколову* и въ редакцію *Православнаго Собесѣдника*.

По той же цѣнѣ (1 р. 20 к. съ перес.) можно выписывать и 1-й томъ этой книги.

Выписывающіе оба тома вмѣстѣ прилагаютъ за нихъ 2 руб. 30 коп. сер. съ пересылкою.

Воспитанники духовно учебныхъ заведеній получаютъ каждый томъ по 1 руб. сер. и съ пересылкою.

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Протоіерей Михаилъ Зефировъ.

Съ дозволенія цензуры. 4 Ноября 1870 года.

Тамбовъ. Въ Губернскій Земской Типографіи

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

15 Октября

№ 10.

1870 года.

Поученія о десяти заповѣдяхъ Божіихъ.

(Продолженіе).

Х.

Четвертая заповѣдь: *«Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши вся дѣла твоя, день же седьмый суббота Господу Богу твоему.* Что требуетъ отъ насъ Господь четвертою заповѣдію? Онъ внушаетъ каждому изъ насъ ревностно проходить должность свою, по отношенію къ жизни общественной и домашней, для чего назначаетъ шесть дней въ недѣлю; еще внушаетъ—не забывать своей главной и существенной обязанности въ отношеніи къ нему Творцу нашему,—для чего и назначается исключительно седьмой день.—Какой же это седьмой день? Это и есть день нынѣ нами празднуемый—Воскресенье. Нынѣшнее Воскресенье есть единственный день, есть царь всѣмъ тѣмъ днямъ воскреснымъ, которые мы празднуемъ въ продолженіе года. *Сей нареченный и святой день, единъ суббота царь и Господь, праздниковъ праздникъ и торжество есть торжество, въ оны-же благословимъ Христа во вѣки.*—Почему же въ заповѣди сказано:

помни день субботный? Потому что заповѣди даны были Израильтянамъ; а Израильтяне до пришествія Христова праздновали субботу; мы же съ воскресенія Иисуса Христа начали вмѣсто субботы праздновать Воскресенье, которое прежде называлось и нынѣ называется первымъ днемъ недѣльнымъ. *Помни день субботный...* такъ говорилъ Богъ народу Израильскому чрезъ пророка Моисея. Но первая заповѣдь о почитаніи субботы дана еще въ раю Адаму и Евѣ. Суббота—слово еврейское,—означаетъ покой. Субботою и назывался у Іудеевъ собственно седьмой день недѣльный, и назывался днемъ покоя потому, что послѣ шести дней творенія Богъ почилъ отъ дѣлъ своихъ, т. е. пересталъ творить, и тѣмъ отдѣлилъ его отъ другихъ дней и возвысилъ. Такъ и сказано въ книгѣ Бытія: *и благослови Богъ день седьмый и освяти его: яко въ той ночи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже нача Богъ творити.* Такимъ образомъ субботу Богъ отдѣляетъ для праздника въ память сотворенія міра и человѣка, и въ благодарность за всѣ благодѣянія, излитыя Творцемъ на людей. Къ этой причинѣ празднованія субботы въ послѣдствіи для Израильтянъ присоединилась другая, очень важная причина. — Израильтяне долго страдали въ рабствѣ у Египтянъ, которые налагали на нихъ многія тяжкія работы и наносили имъ разнаго рода жестокости; они просили Бога избавить ихъ, и Богъ услышалъ вопль Израильтянъ и избавилъ ихъ отъ рабства Египетскаго чрезъ своего вѣрнаго раба Моисея. Поэтому суббота, какъ день успокоенія отъ работъ, должна была напоминать Израильтянамъ и объ этомъ чудномъ избавленіи ихъ отъ власти Фараоновъ. Такъ и говоритъ Господь: *и да помянеши, яко и ты рабъ былъ въ земли Египетстѣй, и изведе тя Господь Богъ твой оттуду рукою крепкою и мышцею высокою: сего ради повелъ тебѣ Господь Богъ твой еже хранити день субботній и святити его* (Втор. 5, 15). Отсюда и видно, что

субботу праздновали Евреи въ ветхомъ завѣтѣ въ память благодѣяній Божиихъ, выраженныхъ чрезъ сотвореніе міра и избавленіе ихъ отъ рабства Египетскаго. Но вотъ миновало время ветхозавѣтное; устроилась на землѣ церковь Христова новозавѣтная, и суббота ветхозавѣтная уступаетъ мѣсто Воскресенью. У насъ вмѣсто субботняго дня съ особенною торжественностію празднуется день воскресный — въ воспоминаніе воскресенія Христова и въ благодарность Господу за то, что Онъ *сущихъ насъ мертвыхъ прерршиеними, сооживи Христомъ* (Еф. 2, 5), и даровалъ намъ средство избавиться отъ рабства грѣховнаго и надежду на вѣчную блаженную жизнь.

Помни же, христіанинъ, вмѣсто субботы еврейской — день воскресный: шесть дней употребляй на дѣла твои, какія ты обязанъ дѣлать, какъ членъ общества, какъ гражданинъ и семьянинъ; а день седьмой — воскресный посвящай Богу, приноси Ему въ жертву. Но скажетъ кто: ужели Бога благодѣтеля помнить нужно только одинъ день въ недѣли? Ужели Творцу времени не нужно отдать все время? О! нѣтъ. И каждый день, всѣ часы и минуты нашей жизни должны быть посвящены Богу жизнодавцу и благодателю, — каждое мгновеніе мы пользуемся Его дарами, и каждое мгновеніе имѣемъ крайнюю нужду въ Его милосердіи и помощи. По сему-то Апостоль Павелъ убѣждаетъ христіанъ непрестанно молиться, и Христось Спаситель говоритъ намъ: *бдите на всяко время молщсся*. Конечно, правосудію Божию не противно бы было, если Онъ сдѣлалъ на оборотъ — шесть дней заповѣдалъ бы посвящать Ему, а одинъ день посвящать для мірскихъ дѣлъ. Но, по крайнему снисхожденію къ нашимъ слабостямъ и житейскимъ нуждамъ, Богъ уступаетъ намъ большую часть въ году для исполненія нашихъ мірскихъ обязанностей, съ тѣмъ впрочемъ, что бывъ день седьмой мы отлагали все житейское попеченіе и все то время посвящали на служеніе Бо-

гу. Сами теперь видите, что велико Божіе къ намъ снисхожденіе,—сами также знаете и по опыту, какъ много у насъ нуждъ, съ которыми ежечасно должны обращаться къ Отцу небесному; поэтому сами судите, какую должно имѣть намъ ревность въ соблюденіи Божіихъ дней! Въ самомъ дѣлѣ—для чего отдѣленъ отъ другихъ дней и освященъ Самимъ Богомъ въ церкви православной день воскресный? Для того установленъ, чтобъ напоминать намъ объ нашихъ обязанностяхъ къ Богу, о нашемъ назначеніи для небесной жизни, чтобъ дать намъ время и возможность собрать свои мысли въ молитвѣ, отдохнуть, успокоиться духомъ отъ мірскаго шума и мірской суеты, чтобъ отъ времени до времени возбуждать нашу душу отъ безпечности и нерадѣнія, а поддерживать и укрѣплять въ ней святые чувства и расположенія. „Мы празднуемъ, говоритъ Григорій Богословъ, но празднуемъ, какъ угодно Духу; а Ему угодно, чтобъ мы или говорили или дѣлали что либо подобающее. Праздновать значить у насъ пріобрѣтать для души блага постоянныя и вѣчно обладаемыя“. „Главное въ праздникѣ помятованіе о Богѣ“. А св. Іоаннъ Златоустъ учитъ, что „праздники установлены не для того, чтобъ намъ безчинствовать и умножать грѣхи свои, но чтобъ очистить и тѣ, какіе есть у насъ“ и что „праздникъ есть совершеніе добрыхъ дѣлъ, благочестіе души и строгость жизни“. И такъ не только заповѣдь милосердаго Бога, но и собственная наша душевная польза должна побудить насъ къ благоговѣйному почитанію дней Божіихъ; безъ нихъ, безъ этихъ святыхъ дней, мірскія заботы и развлеченія, страсти и злыя привычки совсѣмъ одолѣли бы насъ и въ конецъ погубили бы нашу душу... Одно только съ нашей стороны не хорошо и несправедливо, что мы и величайшимъ снисхожденіемъ къ намъ Божіимъ не умѣемъ пользоваться во спасеніе себя. Намъ все мало времени для занятій нашихъ. Господь далъ шесть дней для

дѣла; а мы шесть-то дней плаваемъ по морю житейскому, да и въ седьмой-то не пристаемъ къ пристани покоя. Въмѣсто того, чтобъ седьмой день посвятить Богу—употребить его на молитву, на поученіе о Богѣ и благочестивыя дѣла, мы въ этотъ день еще болѣе, кажется, забываемъ Бога, еще далѣе становимся отъ пристани нашей,—проводимъ его въ пустыхъ бесѣдахъ, разсѣянно или чисто въ дѣлахъ житейскихъ. Обратимся ли къ людямъ болѣе образованнымъ, къ кругу свѣтскому? Здѣсь седьмой день преимущественно назначаютъ для пиршествъ, игръ и гуляній. Чего не дѣлается для міра, въ день назначенный Богомъ для Него? Всякое требованіе суетное исполняется точно и скоро. Обратимся къ людямъ не получившимъ образованія? Они день Божій проводятъ или въ работѣ, или въ этотъ день у нихъ пиръ горой,—пьянство и всякаго рода разсѣянность.. Вотъ здѣсь-то часто скрывается причина, почему наши дѣла бываютъ не удачны. Богъ не благословляетъ ихъ, безъ благословенія же Божія ничего не можетъ расти и зрѣть. А не благословляетъ Господь нашихъ дѣла за то, что мы не просимъ Его, не молимся Ему и въ седьмой день, который Онъ самъ для себя опредѣлилъ. За это самое Господь лишаетъ насъ своей благодати, и мы въ шесть дней ни въ чемъ не успѣваемъ.— Не забудемъ же, братіе, что рано или поздно—умереть необходимо, и притомъ Богъ вѣсть, далеко ли отъ насъ смерть наша. Можетъ быть, близко; можетъ быть, нынѣ или завтра насъ не будетъ. И что же будетъ, если смерть застанетъ насъ за суетою міра? Если застанетъ не готовыми, куда тогда обратиться и гдѣ искать помощи? Дѣла міра, къ которому такъ прилѣпились, нужно будетъ оставить, съ друзьями, съ которыми попусту проводимъ время, назначенное для молитвы, нужно будетъ расстаться. Господь же, котораго нынѣ не слушаемся, тогда обратится къ намъ не какъ другъ и Отецъ, потому что скажетъ грѣш-

нику пераскаянному: не знаю тебя (Мат. 25, 13). Будемъ же заранѣе угождать Отцу небесному, чтобы Онъ тогда не отвергъ насъ и не затворилъ отъ насъ дверей своего чертога. Пока даются намъ годы, мѣсяцы и недѣли, мы должны шестидневныя дѣла наши начинать съ благосолвенія Божія и цѣлю ихъ поставлять спасеніе души, а седьмой день всецѣло посвящать на спасеніе свое и другихъ. — Что здѣсь сказано о днѣ воскресномъ, тоже нужно разумѣть и о другихъ праздничныхъ дняхъ нашей православной церкви; потому что все праздники установлены въ память событій изъ жизни нашего Спасителя или Его Матери; слѣдовательно въ память событій благодѣтельныхъ, относящихся къ искупленію грѣшнаго рода человѣческаго отъ рабства грѣховнаго. Какъ же поступать, или что нужно дѣлать въ воскресный и другіе праздничные дни, чтобы принести ихъ Господу Богу, скажемъ о томъ въ слѣдующее Воскресенье. А теперь только одно скажу: братіе! не говоритъ ли вамъ сердце ваше о величіи наступившаго Праздника Пасхи, о Его святости?.. Потому проводите его по Божію, по Божію проводите; а что это такое по Божію — спросите пока свою совѣсть, — она вамъ объяснитъ....

XI.

Помни день субботный, еже святити его: шесть дней, дѣлай, и сотвориши вся дѣла твоя, день же седьмой, суббота Господу Богу твоему. — Это значитъ: не забудь праздниковъ, не сравнивай ихъ съ днями будничными; а отличи ихъ отъ дней обыкновенныхъ. А это значитъ — праздникъ посвяти Богу и своему спасенію. Въ прошедшей бесѣдѣ мы это выразили словами: проводи праздники по Божію. Какъ же это нужно проводить праздники по Божію, т. е. что же нужно дѣлать въ дни назначенные для посвященія

Богу? Въ православномъ ученіи такой отвѣтъ на это: въ праздничные дни прилично: 1) приходитъ въ церковь для общественнаго богослуженія и поученія въ словѣ Божіемъ; 2) также и дома заниматься молитвою и чтеніемъ, или разговорами душеспасительными; 3) посвящать Богу часть изъ своего имѣнія и употреблять то на нужды церкви и служащихъ ей, и на благотвореніе неимущимъ, посѣщать больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ, и другія дѣлать дѣла любви христіанской. Обратимъ наше вниманіе на эти дѣла, всякому христіанину потребныя.

1) Каждый христіанинъ въ праздничное время долженъ посѣтить храмъ Божій и участвовать въ общественныхъ молитвахъ. Это и есть посвященіе Богу седьмаго дня. Чтобъ отдать Богу день, нужно отнять его у міра. Гдѣ же всего удобнѣе сдѣлать, какъ не въ храмъ Божіемъ? Здѣсь сердце вѣрующаго исполняется святыми помыслами и чувствованіями, зрѣніе наслаждается видѣніемъ св. иконъ, слухъ оглашается словомъ Божиимъ, псалмами и пѣснями духовными, умиляющими душу. Здѣсь-то, хотя на краткое время, можно забыть о житейскихъ суетахъ и грѣшныхъ удовольствіяхъ и всею душею вознестись къ обществу горнихъ силъ, непрестанно славящихъ Бога. Да и самая святость мѣста, торжественная тишина въ храмѣ, лица святыхъ угодниковъ, которые на насъзираютъ, чувство невидимаго присутствія Божія въ церкви — все это возбуждаетъ въ душѣ вѣрующаго благоговѣйный трепеть и можетъ привести его въ блаженное общеніе съ Господомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ книгахъ вы вычитаете, или отъ кого услышите такіе совѣты, какіе преподаются въ церкви? Въ церкви намъ проповѣдуютъ Пророки, Апостолы и Евангелисты и, наконецъ, Самъ Іисусъ Христосъ... Здѣсь же совершается таинство Тѣла и Крови Христовой, на которое и небесныя Силызираютъ со страхомъ и трепетомъ. Поэтому въ церкви возвышается радость радую-

щихся; а души скорбящія здѣсь почерпають утѣшеніе, а грѣшники облеченіе и успокоеніе. Св. Златоустъ говоритъ: „Домъ Божій есть духовная лечебница: какія язвы мы получимъ отъ виѣ (въ мірѣ)—всѣ уврачуемъ здѣсь“ (Бесѣд. 2 на Ев. от. Іоан.).—Древніе христіане понимали важность Богослуженія и потому спѣшили въ храмъ Божій, оставляя всѣ дѣла; а подъ великіе праздники даже и всю ночь проводили въ церкви. Вотъ они истинно посвящали седьмой день Богу! А мы должны пожалѣть сами о себѣ; потому что заповѣдь Божию о посвященіи седьмого дня Богу рѣдко исполняемъ, какъ слѣдуетъ. Многіе по лѣности и нерадѣнію не являютъ на службы церковныя. Наши предки по вѣрѣ всю ночь предъ праздникомъ проводили въ храмахъ Божіихъ; а нынѣ отъ древнихъ всенощныхъ осталось только одно имя: наши всенощныя не всегда продолжаются и два часа; а еще находятся люди, которые сѣтуютъ и жалуются на продолжительность службы, какъ будто священнослужители задержали ихъ за какимъ либо ничтожнымъ дѣломъ. „А если кто укоритъ лѣнливыхъ въ нехожденіи въ церковь (Злат.), тотчасъ начинаютъ въ оправданіе свое приводить нищету, нужду въ пропитаніи, спѣшныя дѣла.... Но эти отговорки—одинъ вымыселъ, пустой предлогъ, прикрытіе лѣности! Отъ чего же ни бѣдность, ни недосугъ, ни тѣлесная немощь, ничто другое не мѣшаетъ идти на зрѣлища? Проворнѣе юношей бѣгутъ туда иногда и старики. Когда приходятъ въ церковь, чувствуютъ дурноту, почитаютъ безпокойнымъ и обременительнымъ слушать слово Божіе, ссылаясь на тѣсноту, духоту и тому подобное; а тамъ—на какихъ либо зрѣлищахъ, хотя ихъ давятъ, толкають, со всею силою напираютъ на нихъ, они терпятъ тысячи непріятностей, остаются веселы“.—А другіе изъ насъ до того охладѣли, что въ цѣлый годъ побываютъ въ храмѣ не болѣе трехъ разъ... И то съ такимъ видомъ, будто они своимъ посѣщеніемъ оказываютъ

милость священнику и самой церкви.—Лѣнивые обыкновенно оправдываются: дома молиться можно... Не спиши съ этимъ оправданіемъ. Можно молиться; кто же говоритъ, нельзя? Не совсѣмъ только удобно. Св. Златоустый говоритъ: „Правда, что можно молиться и дома; но не возможно тамъ молиться такъ, какъ въ церкви, гдѣ всѣ единодушно взываютъ къ Богу. Умоляя Владыку наединѣ, не будешь такъ услышанъ, какъ умоляя съ братіями своими. Здѣсь есть нѣчто большее: единодушіе, согласіе, союзъ любви, молитвы іереевъ. Для того предстоятъ іерей, чтобы молитвы народа, сами по себѣ немощныя, будучи восприняты сильнѣйшими, совокупно съ ними восходили на небо.... Если молитвы одного имѣютъ силу, то гораздо болѣе молитва, приносимая многими. Общая молитва болѣе дѣйствительна и болѣе имѣетъ дерзновенія, нежели молитва, приносимая дома и наединѣ“. Не будемъ же въ поблажку своей лѣности выдумывать разные предлоги къ тому, чтобъ не ходить въ церковь; постараемся чаще бывать въ домѣ Божиѣмъ, а особенно во дни праздничные. Впрочемъ можно бывать въ храмѣ и не получать никакой пользы; нужно приготовляться заранѣе къ молитвѣ, настраивать свои мысли къ понятію Божественнаго, душеспасительнаго, а отъ земнаго и житейскаго удалять; иначе какая польза въ хожденіи въ церковь, если человекъ не цѣнитъ тѣхъ благъ, которыя можно получить отъ усерднаго посѣщенія храма? Какая польза, если онъ ходитъ только по обычаю, по привычкѣ, и мало или вовсе не думаетъ о приготовленіи себя къ участию въ общественномъ богослуженіи, и заботится только о томъ, какъ бы украсить свое тѣло и показаться предъ народомъ? Въ этомъ нѣтъ пользы; вся польза въ сердечномъ участіи въ богослуженіи. 2) Мало одного того, чтобъ сходить только къ утрени и литургіи—въ день праздничный... Богу надобно посвятить весь день. Для этого долгъ христіанина

продолжать занятіе святымъ ученіемъ и по выходѣ изъ церкви. Не хорошо дѣлаемъ мы, что по выходѣ изъ церкви часто ходимъ на купли, а встрѣтившись съ знакомыми, начинаемъ разсуждать о какихъ либо житейскихъ и даже иногда суетныхъ дѣлахъ. Суетныя занятія, какъ сорная трава, заглушаютъ сѣмя слова Божія, упавшее на нашу душу и такимъ образомъ мы остается безъ плода. Что же дѣлать? Изъ храма Божія въ праздникъ сиѣвши, христіанинъ, домой и займись разговоромъ съ твоей женой, сыномъ или дочерію, займись тѣмъ, чѣмъ былъ занятъ и въ церкви, т. е. спасеніемъ души. Отъ чего, въ самомъ дѣлѣ, по выходѣ изъ церкви мы все позабываемъ очень скоро? „Отъ того—отвѣчаетъ Св. Златоустъ, что мы занимаемъ ся чѣмъ не должно и проводимъ время съ худыми людьми. По выходѣ изъ церкви не нужно намъ приниматься за дѣла, не пристойныя церкви; но пришедши домой надобно взять книгу и вмѣстѣ съ женою и дѣтьми привести на память, что было говорено... Отъ того слово Божіе крѣпче утвердится въ душѣ твоей, въ душѣ жены твоей, въ твоихъ дѣтяхъ и домачадцахъ“. Помнить надобно, что отвѣтственность за благочестіе дѣтей нашихъ и прислуги нашей падаетъ и на насъ.—Но вотъ говорятъ: „мы не имѣемъ книгъ“ а другіе: „не умѣемъ читать“. Такъ по просите у кого есть книги, вамъ не откажутъ, напр. у священника, который всегда найдетъ у себя для васъ полезную книгу и не откажетъ въ ней. А кто не умѣетъ читать, пойди къ сосѣду, послушай его; въ городѣ, кажется, и жаловаться на это нельзя; потому что всегда найдутся люди грамотные. А если не умѣешь читать, тѣмъ съ большимъ усердіемъ долженъ ходить въ церковь и съ большимъ вниманіемъ слушать, что тамъ читается и поется, и по выходѣ изъ церкви можешь размышлять о слышанномъ. Ты не умѣешь читать? Пожалѣй же о томъ, почему въ дѣтствѣ не учили тебя,—и употреби же всѣ средства къ

тому, чтобъ и твои дѣти не остались въ невѣжествѣ, — и научи ихъ хоть читать и писать. Какъ, впрочемъ, ни рассуждай, собратъ, только не исполнишь заповѣди Божіей о седьмомъ днѣ, если не будешь этотъ день проводить въ душеполезномъ чтеніи и размышленіи.

3) Кромѣ того въ праздничные дни нужно посвящать Богу часть своего имѣнья, т. е. въ лицѣ бѣднымъ, меньшихъ братьевъ Божіихъ. Наши молитвы, наши чтенія будутъ бесполезны, если онѣ не будутъ согрѣты любовію. Мы должны любить Бога и ближняго, — вотъ двѣ главныя заповѣди, которыя такъ тѣсно между собою связаны, что не любящій брата, не любитъ и Бога. Если же я скупъ, вижу брата въ бѣдности или болѣзни и не помогу ему, не облечу его горя; то не люблю его; слѣдовательно не могу я посвятить Богу дня праздничнаго, когда не окажу любви къ ближнему, если не займусь въ этотъ день отысканіемъ нуждающагося и не помогу ему. Праздникъ есть день радости и торжества, а какое можетъ быть у меня торжество, если даже предъ глазами моими рабъ Божій голодуетъ и въ страшной скорби? И такъ не скупись, христіанинъ, своею радостію, раздѣли ее съ другими, постарайся облегчить, чѣмъ можешь, участь заключенныхъ въ тюрьмахъ, часто понапрасну, помощи бѣдному больному, отри слезы горькой сироты. Праздникъ напоминаетъ намъ о любви и милости Божіей къ намъ: будемъ же и мы подражать челоуѣколюбію Божію, — явимъ любовь нашу къ ближнему, гдѣ и какъ только возможно. Если мы сами идемъ въ храмъ Божій просить Бога о своихъ нуждахъ; то послушаетъ ли насъ Господь, когда мы будемъ закрывать уши наши отъ вопля бѣдныхъ?... Въ праздничные дни мы съ особенною заботливостію приготовляемъ для себя столъ пообильнѣе обыкновеннаго; вспомнимъ же для праздника и тѣхъ несчастныхъ, которые для праздника иногда не имѣ-

ють куска хлѣба для себя и семейства и довольствуются однимъ черствымъ хлѣбомъ,—не имѣють топлива для согрѣванія своей хижины и дрожать отъ холода. Мы въ праздники стараемся одѣться въ лучшія одежды; подумаемъ же и о тѣхъ, которые ходятъ въ изорванномъ рубищѣ, которые были бы очень рады и одеждамъ нами брошеннымъ какъ ни къ чему намъ не нужнымъ. И вообще, мало ли плачущихъ, нуждающихся въ то время, когда у насъ, слава Богу, все есть и даже въ избыткѣ? И не грѣхъ ли намъ не подѣляться съ нуждающимся? И грѣхъ и стыдъ для христіанина—послѣдователя Христова. Чтобъ праздникъ Божій проводить по заповѣди Божіей, очень прилично накануне праздника подумать объ окружающихъ насъ ближнихъ нашихъ, и если кто есть бѣдный,—а бѣдные всегда есть,—то послать ему къ празднику, что Богъ по сердцу положить. Судя по тому что выше сказано, сами видите, братіе, что не только какія либо нескромныя игры и гулянья, но даже работы и дѣла житейскія не приличны празднику: весь день Богу нужно посвятить. Да и не благоразумно ли было бы—шесть дней употреблять на себя, а для Господа и одного дня не отдѣлить? У кого есть усердіе быть рабомъ Божіемъ, тотъ кромѣ суетныхъ дѣлъ найдетъ чѣмъ заняться во спасеніе души своей. Мы же, съ своей стороны, въ заключеніе скажемъ: твердо помни, христіанинъ, что праздники суть дни святые, исключительно должны быть посвящены Богу и устроенію нашего спасенія. Почему безъ крайней нужды во дни праздничные оставляй дѣла житейскія,—отдавай весь день Богу, и Онъ благословитъ труды твои такимъ успѣхомъ, какаго и не ожидаешь.

ХИ.

Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши (въ нихъ) вся дѣла твоя, въ день же седь-

мый суббота Господу Богу твоему. Четвертая заповѣдь, какъ было говорено, всякому христіанину внушаетъ посвящать исключительно Господу нѣкоторые дни, въ память благодѣяній Божіихъ; того требуетъ и долгъ признательности. Когда намъ какой человекъ оказываетъ благодѣяніе, мы благодаримъ его и даже вспоминаемъ съ радостію тотъ день, въ который получили благодѣяніе.—По смыслу четвертой заповѣди, мы обязываемся также соблюдать посты, положенные святою Церковію: святой великій постъ, посты: Петровъ, Успенскій, предъ Рождествомъ Христовымъ и другіе дни—извѣстны всѣмъ—суть дни воздержанія и имѣютъ цѣлю наше спасеніе. По уставу св. Церкви, въ эти дни мы должны воздерживаться, какъ отъ излишняго употребленія пищи, и совершенно оставить нѣкоторый родъ оной; такъ и еще болѣе должны умѣрять свои страсти, удаляться всего, что возбуждаетъ и питаетъ оныя. Особенно важенъ постъ великій. Основаніе его положилъ Самъ Иисусъ Христосъ, который 40 дней постился и молился въ пустынь. Важность сего поста подтвердила св. Церковь, когда въ сіе время установила ежегодно—непремѣнно каждому христіанину причаститься св. таинъ Тѣла и Крови Христовой. Послѣ сего священнѣйшій долгъ каждаго христіанина—соблюдать постъ, т. е. дни постные посвящать на особенное служеніе Богу!

Но такъ ли поступаемъ мы—дѣти Церкви единой—православной? Она, какъ мать, печется о насъ, все устроитъ для нашего блага, а мы не послушны, не покорны. Во дни постные, одни не хотятъ заняться обузданіемъ страстей и воздержаніемъ отъ излишняго употребленія пищи позволенной; а другіе, кромѣ того, не знаютъ различія въ пищѣ. Не говоря о нарушеніи другихъ постовъ, многіе нарушаютъ и священнѣйшій постъ великій. Что всего при скорбиѣ—иные готовы доказать, что нѣтъ грѣха употреблять всякую пищу въ посты. Если же такъ, то для че-

го же мы называемся дѣтьми Церкви? Дѣти должны быть послушны матери своей; что приказываетъ сдѣлать мать, покорныя дѣти то выполняютъ въ точности. Если же случится въ чемъ преступить волю матери, то покорныя дѣти отъ стыда и совѣсти не могутъ долго равнодушно смотрѣть на оскорбленную ими мать, и даже не осмѣливаются пользоваться ея ласками, не спросивши напередъ прощенія. А мы не такія дѣти. Святая Церковь, мать наша, велитъ намъ дѣлать то и то для нашей пользы, а мы не слушаемся, противимся волѣ ея. Она запрещаетъ въ извѣстные дни употреблять извѣстную пищу; а многіе въ тѣ дни безъ разбора употребляютъ пищу, и даже не чувствуютъ стыда, встрѣчаясь съ Матерію, оскорбленною ими и не думаютъ испрашивать прощенія. Не пройдетъ это даромъ! Мать—церковь о не послушаніи дѣтей передастъ своему возлюбленному жениху—Христу Спасителю, Онъ взыщетъ за непокорность.

Странное зрѣлище въ христіанскихъ домахъ во время поста! Семейство часто дѣлится на партіи, одна партія сидитъ за столомъ постнымъ, а другая за скоромнымъ; и это въ одномъ и томъ же домѣ! Теперь вопросъ: почему отцы или старшіе въ домѣ не употребляютъ пищи скоромной, а одни младшіе? Изъ экономіи? Но этого не видно. Опасаются грѣха? это всего вѣрнѣе. Такъ почему они дозволяютъ грѣшить своимъ дѣтямъ и оскорблять Бога? Если для ихъ здоровья—забываютъ повелѣнія Бога и нарушаютъ уставы св. Церкви Его: то къ намъ прямо относится слово Божіе: *иже любитъ сына, или дочь паче Мене, исть Мене достоинъ* (Мате. 10, 37).

Нарушители постовъ обыкновенно, въ оправданіе себѣ, говорятъ, что не пища, а злое сердце оскорбляетъ Бога. Если употребить извѣстнаго рода пищу, то не такъ важно это въ сравненіи съ ссорой, оскорбленіемъ и проч. Все это правда. Но кто такъ разсуждаетъ! Подумай, справишься

съ своимъ сердцемъ — каково оно! Исполниешь ли ты важное, презирая неважное? И не первый ли ты и въ ссорѣ и враждѣ? Отъ непослушнаго въ легкомъ, виѣшнемъ дѣлѣ, можно ли ожидать послушанія и исправности въ обязанностяхъ болѣе важныхъ? А святые писатели учатъ, что постъ тѣлесный есть средство для поста духовнаго. И хотя постъ тѣлесный безъ духовнаго не доставляетъ существенной пользы постащему; однако духовный безъ тѣлеснаго весьма труденъ. Святая Церковь учитъ, чтобъ мы, постясь тѣлесно постились и духовно. Братіе! долго ли мы будемъ не послушны Церкви? Покорность святое дѣло!

Польза поста — открывается и изъ того, что онъ увеличиваетъ торжество праздниковъ. Посты, извѣстно, бывають предъ великими праздниками. Благоговѣйный христіанинъ извѣстное время соблюдаетъ постъ, отказываетъ себѣ и въ томъ и въ другомъ., чѣмъ самымъ, какъ воинъ Христовъ, изъявляетъ готовность на борьбу.. Но приходитъ праздникъ, Церковь разрѣшаетъ на пищу болѣе питательную. Види перемѣну и во виѣшнемъ, христіанинъ духомъ и тѣломъ возносится къ торжеству праздника, и прославляетъ Бога духомъ и тѣломъ, *яже суть Вошяя*; и такъ у него полное торжество и полная радость. Но что можетъ чувствовать въ праздникъ тотъ, для котораго никогда нѣтъ перемѣны, у котораго никогда не бываетъ поста?.. На это пусть отвѣчаетъ онъ самъ. Въ заключеніе нашего поученія скажемъ, что непослушаніе Церкви есть непокорность Духу Святому живущему въ ней, (1. Сол. 4, 8). — Такъ судите сами, братіе, какъ великъ грѣхъ противъ Церкви, заповѣдующей посты.

XIII.

Тти тца твоего и мать твою, да благодти будеть, и да долготленъ будещи на земли. Почитай отца и мать и

хорошо тебѣ будетъ, то счастливъ будешь и долго проживешь на землѣ.

Прежде, помните, было сказано, что десять Божіихъ заповѣдей раздѣляются на двѣ главныхъ: любить Бога больше всего и ближняго, какъ самаго себя. О любви къ Богу бесѣдовали мы съ вами при разборѣ четырехъ заповѣдей; а съ пятой заповѣди будемъ говорить о любви къ ближнему. Ближніе наши—это всѣ люди живущіе на землѣ, потому что всѣ созданія Единого Бога и произошли отъ одного человѣка. Но люди одной съ нами вѣры ближе другихъ къ намъ, потому что вмѣстѣ съ нами дѣти одного нашего Отца небеснаго по вѣрѣ въ Иисуса Христа. Всѣхъ ближнихъ нашихъ мы должны любить, какъ самихъ себя, т. е. должны мы желать имъ и дѣлать все то, чего желаемъ и дѣлаемъ сами себѣ; не желать и не дѣлать ничего такого, чего не желаемъ и не дѣлаемъ себѣ. Впрочемъ есть степени въ любви къ ближнимъ. Эти степени опредѣляются смотря потому, въ какомъ отношеніи мы находимся къ ближнимъ нашимъ. Поэтому любовь къ ближнимъ начинается съ любви къ родителямъ нашимъ, потомъ переходитъ къ тѣмъ, которые заступаютъ для насъ въ разныхъ отношеніяхъ мѣсто родителей, какъ то: къ Царю, какъ отцу цѣлаго Государства, къ пастырямъ и учителямъ духовнымъ, къ старшимъ по возрасту, благодѣтелямъ и начальствующимъ. Разсмотримъ нынѣ отношеніе дѣтей къ родителямъ.

Почему родители первые имѣютъ право на нашу любовь, это всякому должно быть понятно: они ближе всѣхъ къ намъ, какъ виновники нашего бытія. Кто намъ далъ жизнь? Богъ чрезъ родителей нашихъ, однажды навсегда благословившій чадородіе. *Раститесь и множитесь и наполняйте землю*, сказано было первой четъ еще въ раю. По природѣ и безсловесныя животныя имѣютъ преданность къ своимъ матерямъ, и они узнаютъ свою

мать и какъ бы, ласкаются во кругъ ея. Посмотрите, какъ малые птенцы бѣгутъ къ своей матери подъ крылья! Что же сказать о разумномъ человѣкѣ — царѣ земномъ? Кромѣ природы его и разумъ долженъ склонить и убѣдить въ любви къ виновникамъ бытія своего. Человѣку разумному должно помнить, что родители при воспитаніи дѣтей переносятъ много заботъ, иногда съ потерею своего здоровья, всѣ средства употребляютъ, какъ къ сохраненію здоровья, такъ и основанію счастья дѣтей. Чтò бы было, еслибъ дѣти, по рожденіи, были оставляемы родителямъ ихъ? Не большая ли часть должна была бы оставить свѣтъ тотчасъ по вступленіи въ него? Какъ же забыть дѣтямъ столько добродѣтей со стороны родителей? Поэтому судите и о томъ, какъ важенъ и великъ грѣхъ непочтенія!

Еще: разумное существо — человѣкъ долженъ стремиться къ благу; за почтеніе же родителей обѣщается большое благо: — счастливая и долгодѣтная жизнь: *да-благо-ти-будетъ-и-долгодѣтенъ-будеши-на-земли.* А Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *въ-шюже-мѣру-мѣрите, возмѣрится-вамъ* (Матѣ. 2 ст. 7 гл.). Поэтому будьте увѣрены, что дѣти послушныя, кроткія и почтительныя къ своимъ родителямъ не лишатся счастья и всякаго благополучія въ жизни, насладятся долгодѣтіемъ и въ своемъ потомствѣ, въ свою очередь, встрѣтятъ кротость, послушаніе и почтеніе. А *злословящему-отца-или-матерь-угаснетъ-свѣтъ-свѣтъ-никъ* (Притч. 20, 20), т. е. не будетъ ни въ чемъ счастлива. Слово Божіе предастъ проклятію дѣтей непочтительныхъ и непокорныхъ своимъ родителямъ (Втор. 27, 16). Въ самомъ дѣлѣ, братіе, обѣщанное въ пятой заповѣди благо не исполняется ли предъ нашими глазами? Если и не всегда изобилуютъ благами внѣшними тѣ семейства, въ которыхъ дѣти покорны и послушны своимъ родителямъ, то какое тамъ благо внутреннее: тишина и довольство во

всемъ, порядокъ и стройность? Отецъ не налюбуется на своего сына, дочь кротостію и послушаніемъ своимъ утѣшаетъ мать свою,—все дѣлается по любви, благочестно и во славу Божию. А это и есть единое истинное счастье на землѣ, образъ счастья небеснаго. А кого мы видимъ украшенными мудрою сѣдиною, какъ не тѣхъ, большей частью, которые въ юности своей любили родителей своихъ и были имъ послушны; а теперь сами стали на мѣстѣ родителей и утѣшаются скромностію и покорностію дѣтей своихъ?.. Посмотрите повнимательнѣе на міръ человѣчскій, и увидите, что это такъ на самомъ дѣлѣ... А въ семействахъ, гдѣ нѣтъ любви къ отцамъ, нѣтъ и счастья.

Пусть бываетъ иногда, по снисхожденію Божию, и множество денегъ и изобиліе благъ внѣшнихъ; но что же все это, какъ не гнусный предлогъ то къ ссорамъ и дракѣ, то къ ругательствамъ и поношенію, то къ пьянству и распутству? Внутренняго же, благодатнаго счастья нѣтъ; и выходитъ—красень гробъ снаружи, внутри его смрадъ и червь.

Притомъ надобно сказать, что не одно семейное счастье пристокаетъ отъ почтенія къ родителямъ, не одна семья своя страдаетъ отъ непочтенія, но и цѣлыя общества; потому что на семейномъ счастьи и несчастьи основывается счастье и несчастье цѣлаго государства, которое состоитъ изъ семействъ. Замѣтьте, на важность пятой заповѣди и Самъ Господь обращаетъ наше вниманіе. Всѣ свои заповѣди выражалъ Онъ просто; а за исполненіе пятой обѣщаетъ награду, и тѣмъ особенно побуждаетъ насъ къ исполненію оной, какъ весьма важной въ жизни заповѣди. Почитай отца и мать.. Неприятностію, какою, повидимому, иногда родители наносятъ дѣтямъ, послѣдніе не должны возмущаться. Дѣти! посмотрите, что всѣ тѣ оскорбленія, какія вы встрѣчаете отъ родителей, не благодѣянія ли они для васъ? Не должное ли выпол-

няютъ родители, наказывая дѣтей? *Любяй сына участитъ ему раны* (Сир. гл. 30, 1, 12). Потому любить и уважать родителей есть непремѣнный долгъ дѣтей. Впрочемъ любовь къ родителямъ свои имѣетъ границы. Господь говоритъ: *кто любитъ отца или мать больше Меня, тотъ несть достоинъ Меня*. Любить отца и мать больше Бога, это значить изъ уваженія къ нимъ забыть Бога, или сдѣлать что либо противное Его волѣ. Напр. хорошо сдѣлала великомученица Варвара, что бѣжала отъ своего безбожнаго отца, ища Христа Спасителя; не хорошо поступить сынъ любящій отца, если пойдетъ съ нимъ на воровскую добычу.

Въ чемъ же состоитъ любовь къ родителямъ и кто исполняетъ ее въ точности? Почитать отца или мать—это значить почтительно обходиться съ ними, повиноваться имъ, все, что приказываютъ, дѣлать по ихъ желанію, если то не противно волѣ Божіей, питать и покоить ихъ во время старости и болѣзни; послѣ ихъ смерти, такъ же какъ и при жизни, молиться о спасеніи душъ ихъ, и вѣрно исполнять ихъ заповѣди, не противныя закону Божію и гражданскому. Къ несчастію, въ нынѣшнемъ свѣтѣ много примѣровъ, доказывающихъ оскуднѣніе семейной любви. Сколько жалобъ родителей на непочтеніе дѣтей! Сколько проливается слезъ, безъ жалобъ, все отъ той же причины! Часто отецъ или мать въ старости своей остаются безъ всякой опоры, имѣя дѣтей: непочтительныя дѣти допускаютъ своихъ родителей просить хлѣба подъ чужимъ окномъ; или, доставляя пропитаніе, послѣднія силы отнимаютъ у стариковъ своимъ непослушаніемъ и всякаго рода оскорбленіями. О загробномъ же состояніи родителей другія дѣти забыли и подумать: если они были жестоки и своенравны и не хотѣли покоряться волѣ своихъ родителей при ихъ жизни, то радуются своей, будто, свободѣ отъ обременительныхъ приказаній и тотчасъ забываютъ долгъ свой молить Бога о упокоеніи душъ родителей сво-

ихъ. Сколько возникаетъ дѣлъ спорныхъ, между дѣтьми непокорными по смерти родителей! Начинаютъ они дѣлить свое наслѣдіе и до того несогласны бываютъ, что часто рѣшается дѣлежъ тѣмъ, что измыкаютъ все имѣніе по судамъ. А для чего бы не послушать родителей и не исполнить ихъ завѣщанія? И было бы благословіе Божіе надъ ними и дома ихъ были исполнены благъ. Много примѣровъ, какъ дома дѣтей, съ однимъ благословіемъ родителей оставшихся, скоро исполнялись всехъ благъ, а дома завладѣвшихъ имѣніемъ родителей безъ благословія ихъ скоро обращались въ прахъ; и всегда такъ! Ужъ коль пощель сынъ не по волѣ отца и не по его благословію; то не одобровать ему: проклятіе Божіе надъ его главою. И такъ не будемъ оскорблять родителей нашихъ не только дѣломъ, даже и словомъ, будемъ любить и почитать ихъ; тогда благословіе Божіе и ихъ поіетъ на насъ и утвердитъ дома наши (Сир. 3, 9).

XIV.

Тти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долготеленъ будешь на земли. Отцемъ нашимъ, по всей справедливости, называется и Царь нашъ, потому что онъ печется о Государствѣ, въ составъ котораго мы входимъ. Пятая заповѣдь обязываетъ всякаго сына православной Церкви почитать и любить царя. Святая Церковь во дни, такъ называемые, царскіе особо молится о Самодержавномъ нашемъ Царѣ. Отъ одного конца нашего Государства до другаго возсылаются молитвы къ Царю Небесному, да царствуетъ благополучно Царь нашъ!

Какъ сыны Церкви, мы, благочестивые слушатели, конечно, обязаны съ готовностію поспѣшить надѣло, предлагаемое ею, иначе и имя сыновъ Церкви не можетъ принадлежать намъ. И такъ, соединяясь духомъ и сердцемъ, всегда будемъ возносить теплую молитву къ Господу, въ

руцѣ Котораго сердце Царево, да дастъ Царь Небесный — земному особенную благодать Свою.

Самъ Вышній Царь поставляетъ царей: *Мнози царие царствуютъ*, говоритъ Господь. Отсюда ясно вытекаетъ священнѣйшая обязанность любить и почитать власть, всеподданнѣйше служить Царю, какъ избранному Богомъ. Уполномоченнаго посланника другой земли у насъ встрѣчаютъ и провожаютъ съ особенною честію, какая принадлежитъ лицу посланному отъ него. Государь же нашъ есть особа священнѣйшая, — уполномоченный слуга Божій. Слово Божіе ясно сіе выражаетъ, когда, внушая страхъ къ Богу, вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ страхъ къ Царю, и повелѣваетъ почитать Его: *Бѣysi Бога, сыне, и царя, и ни единому же ихъ противися* (1 Петр. 2, 17). *Бога бойтеса, царя чтите*. И такъ слову ли Божію не будемъ послушны? Кто для насъ Царь нашъ? Устроитель порядка; почему почитать царя, любить Его — какъ благодѣтеля — это долгъ нашъ, внушаемый разумомъ. Нѣтъ счастья и радости кочевать изъ страны въ страну, не имѣть пристанища и жилища, не жить обществомъ единодушно. Но нѣтъ общества, нѣтъ порядка тамъ, гдѣ нѣтъ главы, гдѣ нѣтъ единой власти, заправляющей всѣмъ на пользу общества. Предки наши, Славяне, долгое время страдали подъ игомъ безначалія, пока не убѣдились, что только одна власть крѣпкая могла спасти ихъ. Вотъ слова, съ которыми они обратились къ Варяго-Руссамъ: „Земля наша велика и обильна, а ворядка въ ней нѣтъ: придите княжить и владѣть нами“. Такимъ образомъ никто Рюрикъ согласился исполнить ихъ просьбу, и первый началъ вводить строй и порядокъ въ нашемъ Отечествѣ. Все было у Славянъ: и сила, и богатство, только не было порядка, а не было порядка безъ правителя, безъ единой власти, безъ которой и не можетъ быть ни счастья, ни благоденствія. Поэтому, если всякому врождено любить

спокойствіе, тишину и порядокъ, то тѣмъ болѣе должно уважать и почитать власть, безъ которой не возможны порядокъ и общественное спокойствіе.

Что бы напр. дѣлать пришлось намъ въ годину испытанія Божія, при нападеніи враговъ? Чья бы рука управляла силою военною? Чей бы голосъ соединилъ духъ народа во едино? Явились бы люди, изъявили бъ желаніе многіе, но съ видами частной пользы, а не общей, и притомъ какъ бы тогда избѣжать распрей въ самыхъ правителяхъ? Теперь же, благодаря Всевышняго, мы благоденствуемъ, при прозорливомъ управленіи и защитѣ нашего Монарха, нѣтъ беспорядка и все дѣлается по мановенію его; все же это стоитъ большаго труда и заботъ. Сколько заботъ, сколько волнующихъ душу думъ перебивается въ головѣ домоправителя, когда въ семействѣ его какъе либо неблагополучіе! Каждый вздохъ, каждая слеза семьянина падаетъ на сердце домоправителя. Заботы съ утра до вечера и не рѣдко во время сна у хозяина дома,—одно устроено, другое возмущаетъ. Потому не всякій хозяинъ въ правѣ носить имя хорошаго домоправителя. Перейдемъ теперь отъ малаго къ большому, и подумаемъ сколько заботъ и труда нужно, чтобъ управить столь великимъ семействомъ, какова Россія! *Многю царіе царствуютъ!* Только при этой мысли становится понятно, какъ можно управлять великимъ семействомъ при разнообразныхъ характерахъ членовъ семейства, и за такое ли великое дѣло не будемъ любить и почитать нашего Царя?

Въ чемъ должна выражаться любовь къ Царю? По слову Апостола Павла, мы должны молиться за него (Тим. 2, 2) и приучать къ тому дѣтей своихъ. Долгъ родителей внушать дѣтямъ своимъ съ раннихъ поръ, чѣмъ они обязаны Царю, и какія чувства и расположенія должны питать къ нему. Самъ Господь повелѣваетъ воздавать *Кесарева Кесареви* (Мат. 22, 27) и *Ему же дань—дань* (Рим. 13, 7).

По этому любовь и почтеніе къ Царю должно выражать и охотною уплатою дани. По внушенію слова Божія, любовь наша къ Царю должна простираться даже до готовности положить за Него жизнь свою. И такъ, братіе, будемъ любить и почитать Царя нашего, какъ помазанника Божія, какъ благодѣтеля и Отца нашего, а во дни положенныя Церковію, т. е. Царскіе съ особеннымъ усердіемъ будемъ возсылать молитвы къ Господу, да дастъ Онъ нашему Императору здравіе, душевное и тѣлесное.

XV.

Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долгольтеиъ будеши на земли. Мы сказали, что кромѣ родителей нашихъ и Государя, какъ Отца Отечества, пятая заповѣдь повелѣваетъ воздавать особенную еще любовь пастырямъ и отцамъ духовнымъ, старшимъ по возрасту, благодѣтелямъ и начальствующимъ. Объ этомъ и будемъ говорить. 1. Объ отношеніи къ пастырямъ. Не показалось бы кому либо, что сіе поученіе происходитъ отъ какихъ либо своекорыстныхъ видовъ съ нашей стороны; обязанность уважать пастырей Церкви внушается Самимъ Богомъ. Написано: *никто же самъ собою пріемлетъ честь, токмо званый отъ Бога, яко же и Ааронъ* (Ев. 5, 4). По волѣ Вышняго, пастыри Церкви сподобились чести отъ Него быть орудіемъ Его благодати, получивши благодать священства. Если же предъ Самимъ Господомъ они удостоились чести, то кто жъ отъиметь ее у нихъ? Въ словѣ Божіемъ ясно внушается почтеніе къ Іерею: *всею душею твоею благоговѣй Господеву и іерея Его чти* (Сир. 7, 31). Еще издревле вѣрующіе питали уваженіе и любовь къ Пастырямъ. Галатяне готовы были исторгнуть и дать Апостолу свои очи (Гал. 4, 14). Благомыслящіе и нынѣ питаютъ особенное уваженіе къ духовному сану, повѣряя себя молитвамъ пастырей; виро-

чемъ не за ихъ собственныя дѣла, но по благодати, имъ дарованой. Когда Вышнему Архіерею, Господу нашему І. Христу угодно было призвать челоѡковъ въ пренебесный степенъ священства, то Онъ ниспосылаеть чрезъ нихъ милости прибѣгающимъ къ ихъ молитвамъ. Какъ призванные для созиданія Святыхъ (1 Кор. 4, 1), Пастыри церкви всегда молятъ Господа предъ Его престоломъ, не за себя только, но и за людей. Они совершаютъ таинства. Чрезъ нихъ Господь просвѣщаетъ по естеству чады гнѣва. Пастыри Церкви совершаютъ и обряды богослуженія, для успокоенія страждущаго сердца и для возношенія къ небу чувствъ благодарности и славословія. Вотъ причина къ уваженію пастырей Церкви: *посиуйтея пастасникомъ вашимъ и покарайтея имъ, ти бо бдятъ о душахъ вашихъ*, пишетъ Апостоль Павелъ (Евр. 31. 17). И въ другомъ мѣстѣ убѣждаетъ особенную воздавать честь ревностнымъ исполнителямъ своей обязанности: *прилежащии добръ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются; паце же труждающіися въ словъ и поученіи* (1 Тим. 5, 17). А Священная исторія представляеть примѣры, какъ опасно оскорблять священниковъ и издѣваться надъ священнымъ саномъ. Даѡанъ и Авиронъ живые поглощены землею за то, что возставали противъ Моисея, хотѣли лишитъ первосвященства Аарона и самихъ себя сдѣлать священниками. 1) *иногда и самъ ома, подобно имъ*

При всемъ томъ есть люди, — христіане, которые духовный санъ, если не презираютъ, то и не питаютъ къ нему уваженія. Есть даже предразсудки, оскорбительные для сего сана, и не въ простомъ народѣ: встрѣча, напр., съ священникомъ предозначаетъ будто несчастье. Боже нашъ! какая злая выдумка лукаваго! Лица, чрезъ которыя по волѣ Божій нисходитъ милость и благодать, одною своею встрѣчею приносятъ бѣды и несчастье!! Грѣшатъ предъ Господомъ люди такого мнѣнія! Можетъ быть, на это кто скажетъ, что презирать священный санъ вынуждаетъ поведе-

ніе нѣкоторыхъ лицъ сего сана. Но кто осмѣлится сказать, что онъ святъ предъ Господомъ? И кто осмѣлится когда отнести къ себѣ честь, ему воздаваемую? Она принадлежитъ единственно Богу, даровавшему ее. За дѣло пастырей должно любить ихъ, т. е. за дѣло по службѣ ихъ, какъ-то: совершеніе таинствъ и проч., а не самихъ по себѣ. Апостоль пишетъ къ Солунянамъ: *молимъ васъ, знайте труждающихъ у васъ и настоятелей вашихъ о Господь и наказующихъ вы, и имѣйте ихъ по преизлиху въ любви за дѣло ихъ* (1 Сол. 5, 12, 13). Въ чемъ же можно и должно выражать любовь къ пастырямъ церкви? Сія любовь требуетъ, чтобы повиновались наставленіямъ пастырей и подражали ихъ доброму примѣру и всегда имѣли ихъ совѣтниками въ дѣлѣ спасенія (Евр. 13, 17); чтобы молились за нихъ и всячески содѣйствовали въ дѣлѣ служенія ихъ (Рим. 15, 30); чтобы доставляли имъ необходимое для безбѣднаго содержанія ихъ. Господь повелѣваетъ *проповѣдующимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити* (1 Кор. 9, 3). И такъ уваженіе пастырей за дѣло ихъ есть долгъ священнѣйшій; такъ какъ каждый дѣлатель достоинъ награды своей (Лук. 9, 7).

2. По отношенію къ старшимъ по возрасту. Старшіе возрастомъ болѣе насъ жили на свѣтѣ, болѣе насъ видѣли; по сему одному долгъ нашъ почитать ихъ и уважать и пользоваться ихъ совѣтами и опытностію въ жизни. Слово Божіе повелѣваетъ отдавать честь старцамъ: *предъ лицомъ сѣдаго востани и почти лице старце* (Лев. 19, 32). Апостоль Павелъ пишетъ къ Тимофею: *старца не укоряй, но умоляй, якоже отца* (1 Тим. 5, 1). Вотъ урокъ юношамъ! Берегитесь, братіе, оскорблять старцевъ, людей пожилыхъ. Господь строго взыщетъ за оскорбленіе, сдѣланное людямъ пожилыхъ лѣтъ. Изъ священной исторіи мы знаемъ, что дѣти, посмѣявшіяся надъ старцемъ Елисеемъ, растерзаны мѣдвѣдицею, числомъ сорокъ два. Но если дѣти наказаны за оскорбленіе старца, — дѣти неблагоразумныя: то чтожь тѣмъ, которые

насмѣхаются съ сознаниемъ, съ намѣреніемъ оскорбить? Самъ Господь говорить: кто болѣе понимаетъ и сознаетъ, съ того болѣе взыщется (Лук. 12, 47).

3. По отношенію къ благодѣтелямъ. Благодѣтели наши также имѣютъ право на нашу любовь и уваженіе къ нимъ.— Долгъ платежемъ красенъ. Сильный благодѣтельствуесть слабому, богатый бѣдному. Чѣмъ воздасть послѣдній? Тѣмъ же, чѣмъ облагодѣтельствованъ? Но онъ не можетъ,— чѣмъ же ему воздать за благодѣяніе? Любовью къ благодѣтелямъ, молитвою о нихъ и всевозможнымъ уваженіемъ. Положимъ, что благодѣтельствовавшіе нисколько не теряютъ отъ того, что имъ не воздаютъ за ихъ благодѣянія, напротивъ они еще болѣе получаютъ,— *не поубытъ мзды своя* (Мар. 9, 41). Всевидящій ихъ мздовоздатель. Но неблагодарные за свою неблагодарность дадутъ отвѣтъ. Воззрѣмъ, братіе, на Спасителя нашего І. Христа. Онъ уважалъ и повиновался Іосифу, который былъ Его благодѣтель, питатель (Лук. 2, 51).

4. По отношенію рабовъ къ господамъ.—Наконецъ, грѣшатъ противъ пятой заповѣди рабы, непокорные своимъ Господамъ. Господу угодно было однихъ подчинить, а другихъ поставить владыками (1 Петр. 2, 18). Да покоряется всякъ волѣ Создателя! Рабы скажутъ: „нѣтъ силъ, нѣтъ терпѣнія сносить жестокость господъ: какъ же любить ихъ? Какъ быть вѣрными и покорными безъ ропота въ душѣ“? Но *рабы повинуйтесь во всякомъ страхѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ*, училъ Апостоль (1 Петр. 12, 18). Однако и вы, поставленные господами, должны соблюдать въ свою очередь обязанности по отношенію къ рабамъ своимъ. Жалоба рабовъ вашихъ—достойна вашего вниманія. *Господіе правду и уравниеніе рабомъ подавайте, яко и вы имате Господа на небесѣхъ* (Кол. 4. 1). Унасъ у всѣхъ Единый Мздовоздатель на небѣ. Никому не должно забывать о воздаяніи по дѣламъ нашимъ. Не будетъ милости не

сотворешему милости. Правда, крѣпостнаго быта у насъ уже нѣтъ, но господа и рабы всегда останутся. Нельзя быть всѣмъ равными; неравенство состояній даже необходимо, потому что на немъ основывается зависимость одного отъ другаго; на немъ основываются общія услуги и взаимная любовь. Будутъ же хозяева,—а у нихъ слуги. И первые должны быть кротки, обходительны; а послѣдніе должны послушаться первыхъ „въ простотѣ сердца съ благоразуміемъ и отъ души“, т. е. служба хозяевамъ, должны ревностно исполнять свою обязанность и быть покорными своимъ господамъ ради Христа.—И такъ, братіе, *воздадимъ всѣмъ должная: ему же убо урокъ, урокъ; а ему же дань, дань; а ему же страхъ, страхъ; а ему же честь, честь* (Рим. 13, 7). Это по отношеніюкъ начальникамъ разнаго рода. А вообще другъ ко другу мы должны блюсти единеніе духа въ союзѣ мира; потому что всѣ мы дѣти Одного Отца и члены единой православной Церкви.

XVI.

Шестая заповѣдь: *Не убій*. Не противно ли сей заповѣди, когда люди иногда повельваютъ убивать другихъ; напр. командиръ на войнѣ отдаетъ приказъ воинамъ— „бейте, стрѣляйте въ непріятеля“, а судія подписываетъ приговоръ—подсудимаго на казнь, на эшафотъ, и наказанный иногда умираетъ. Не грѣшно ли такъ поступать? Нѣтъ—не грѣшно. Преступника наказываютъ смертію по правосудію за его зло, напр. за убійство. Здѣсь судъ Божій совершается чрезъ человѣка. Непріятеля на войнѣ убиваютъ за Государя и Отечество. Враги дѣлаютъ непріятности нашему Отечеству, оскорбляютъ иногда святиню храмовъ, хотятъ войти въ наши предѣлы и завладѣть ими, лишивъ власти Царя, Помазанника Божія? Тутъ-то и нужно явить ту любовь, которая *плагаетъ душу за други*. Какое же убійство — грѣхъ противъ шестой заповѣди?

О! Страшно, страшно и подумать объ этомъ убійствѣ. Напр. возложить руку на подобное намъ существо, лишить жизни однимъ ударомъ, — безвинно, напрасно? Ахъ! это безчеловѣчно! Но бываютъ столь ужасные примѣры, и не мало ихъ! Въ продолженіи года сколько идетъ по большой дорогѣ цѣпями скованныхъ! И большая часть изъ нихъ за смертоубійство. Страшный отчетъ должны отдать виновники предъ Тѣмъ, Который изрекъ: *не убій*. Господь далъ жизнь, Онъ единъ и имѣетъ право взять ее; потому смертоубійцы грѣшатъ противъ ближняго, лишая его жизни, и противъ Бога, даровавшаго жизнь. Вѣроятно, между нами нѣтъ подобныхъ смертоубійцъ, — и сохрани Господи! Но не грѣшны ли и мы противъ шестой заповѣди? Грѣшны всѣ, а, можетъ быть, иные несравненно болѣе тѣхъ, которые насильственно отняли жизнь у другаго, и которыхъ мы называемъ злодѣями. Кромѣ прямого убійства, производимаго какимъ либо орудіемъ, какъ то, разбойникъ на дорогѣ, ночью или днемъ, перерѣзываетъ горло или ударомъ въ голову лишаетъ мгновенно жизни — кромѣ такого убійства, есть еще убійство, грѣхъ противъ шестой заповѣди. 1. Не убійца ли тотъ судья, который не ножемъ, а перомъ подписываетъ приговоръ на подсудимаго, котораго невинность хорошо знаетъ; а рѣшаетъ такъ дѣло по пристрастію къ виновному, желая его скрыть? Невинный дѣлается несчастнымъ, его наказываютъ по тому приговору и можетъ быть, что наказаніемъ отнимается навсегда жизнь. Конечно, здѣсь убійцы нѣтъ на лицо; судъ произведенъ будто вѣрно; все закрашено огъ глазъ людей; но предъ Богомъ вѣдь все открыто и явно. 2. Не убійца ли и тотъ, кто укрываетъ убійцу? Часто были случаи, открывали мѣста, гдѣ было убѣжище убійцамъ. Какъ думать объ этомъ? Укрыватель, очевидно, убійца и самъ, хотя и руки ни на кого не налагалъ; потому онъ убійца, что давалъ поводъ и возможность на новыя убійс-

тва, которыхъ не было бы произведено, еслибъ онъ вначалѣ открылъ правительству преступниковъ. 3. Не убійца ли и тотъ, который, видя неизбежную смерть или подготовленіе къ смерти ближняго, хотя и можетъ избавить отъ угрожающей смерти, не избавляетъ? Напр. не убійца ли тотъ богачъ, который допускаетъ бѣднаго умереть съ голода? А какъ часто случается, что бѣдность другаго человѣка до того изнуряетъ, что онъ теряетъ силы переносить тугу сердечную,—изнываетъ сердцемъ и умираетъ, тогда какъ при другомъ состояніи онъ цвѣлъ бы здоровьемъ. Между тѣмъ мы часто хладнокровно смотримъ на бѣдственное состояніе подобныхъ страдальцевъ. 4. А когда на подчиненныхъ налагаются работы свыше силъ, или за какой проступокъ наказываются они очень жестоко, — развѣ этоне сокращаетъ жизнь ближняго, и развѣ не убійца жестокой властелинъ? Конечно здѣсь жизнь не мгновенно отнимается, но постепенно готовится человѣкъ къ смерти. У васъ въ саду посажено дерево, забросайте его сухими ветвями довольно тяжелыми,—не подъ силу ему— оно не дастъ росту и мало по малу будетъ засыхать и совершенно засохнетъ прежде времени. Такъ бываетъ и съ человекомъ обремененнымъ не подъ силу работами, съ лишеніемъ свободы его. Вотъ какія могутъ быть убійства, братіе! Пусть каждый внимательно подумаетъ, не согрѣшилъ ли онъ такъ или иначе противъ шестой заповѣди? Но это все говорено про убійство тѣлесное; а есть еще одно изъ ужаснѣйшихъ убійствъ—убійство души.

Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Какъ душа, такъ и тѣло имѣютъ свою особенную жизнь. Можно убивать тѣло; можно убивать и душу. Убиваютъ душу, когда примѣромъ дурнымъ подають соблазнъ, когда невинныхъ склоняютъ ко грѣху, въ мирныхъ обществахъ и семействахъ поселяютъ раздоръ, вмѣсто истины проповѣдуютъ ложь, разсеваютъ ереси и расколъ. Ненависть есть также

убійство: *всякъ ненавидяй брата своего челоукоубійца есть* (1 Иоан. 3, 15). И такъ кто изъ насъ не грѣшенъ противъ шестой заповѣди, если не дѣломъ, то словомъ?— Если не противъ жизни тѣлесной, то духовной? Убійство духовное настолько важнѣе тѣлеснаго, насколько бессмертная душа превосходитъ брешное, смертное тѣло; всю тяжесть грѣха сего высказалъ Спаситель въ приговорѣ противъ душегубца: *кто соблазнитъ одного изъ вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, еслибы повѣсили ему мельничій жерновъ на шею, и потопили его во глубинѣ морской* (Матѣ. 18, 6). Такъ тяжелъ грѣхъ—убійство души или душегубство, что лучше за живо опустить себя въ море. А у насъ, къ сожалѣнію, многіе такъ легко смотрятъ на смертоубійство духовное, на соблазнъ, что даже при исповѣданіи грѣховъ своихъ предъ духовникомъ рѣдко обращаютъ или упоминаютъ о семъ грѣхѣ. Говорятъ одно: „я не душегубецъ“, разумѣи подъ этимъ, что дескать никого не убилъ, не зарѣзалъ; а что того-то и того-то увлекъ ко грѣху—это какъ будто ничего! Между тѣмъ, видите изъ словъ Спасителя, какой это страшный грѣхъ!

Отсюда на всѣхъ насъ лежитъ обязанность,—вести себя неукоризненно, чтобъ не подавать соблазна ближнему, въ вѣчную смерть души его, и обуздывать языкъ свой, чтобъ не оскорбить словомъ ближняго. Особенно люди поставленные выше другихъ,—все начальники должны быть внимательны къ самимъ себѣ, къ своимъ словамъ и поступкамъ, чтобъ вмѣсто добраго примѣра во спасеніе, не подать соблазна въ погибель. *Горе имъ же соблазнъ бываетъ.* (Матѣ. 18, 6).

Но и еще я не сказалъ объ одномъ грѣхѣ противъ шестой заповѣди, это—самоубійство. Самоубійство есть самое законопреступное изъ убійствъ. Противно природѣ убить и другаго подобнаго себѣ челоука, тѣмъ болѣе противно убить самаго себя. Жизнь наша есть даръ Божій

и принадлежит Богу, и нашъ долгъ хранить жизнь, какъ даръ Божій. Къ несчастію, бываютъ случаи и самоубійства; а все отъ невожденія и разныхъ пороковъ: пороки такъ ослѣпляютъ человѣка, что заставляютъ его иногда налагать руки на самаго себя. И такъ, христіанинъ, не убій ближняго, береги его жизнь; не убій и себя самаго— не поддавайся порокамъ, убивающимъ душу и тѣло.—

XVII.

По порядку слѣдуетъ седьмая заповѣдь: *Не прелюбы сотвори*. Нѣтъ гнуснѣе и отвратительнѣе грѣха, какъ грѣхъ противъ седьмой заповѣди. По свидѣтельству священнаго писанія, человѣкъ нисходитъ до скотскаго состоянія, и это всего скорѣе чрезъ грѣхъ противъ седьмой заповѣди. Грѣхъ этотъ лишаетъ человѣка разума, доводитъ до забвенія самаго себя, ослѣпляетъ его такъ, что онъ видя не видитъ своего заблужденія, губитъ сердце, развращаетъ волю и силы тѣлесныя ослабляетъ, словомъ: и душу и тѣло погубляетъ. Тѣло преждевременно дѣлается слабо, безжизненно, мертвенно-блѣдно, такъ что развратнаго человѣка можно назвать живымъ мертвецомъ. А душа его лишается благодати Божіей: *не льстите себе,—ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи... царствія Божія не наследятъ* (1 Кор. 6, 9). По словамъ Ап. Павла, *срамно есть и глаголати о грѣхахъ противъ седьмой заповѣди* (Еф. 5, 3). И только по необходимости, братіе, мы говоримъ вамъ объ этомъ грѣхѣ, чтобы предостеречь отъ него. Грѣхъ противъ седьмой заповѣди очень распространился между людьми. Какихъ видовъ этого гнуснаго порока нѣтъ между людьми! Главные изъ нихъ: 1, блудъ или безпорядочная плотская любовь между людьми, не находящимися въ супружествѣ; 2, прелюбодѣйство, когда находящіеся въ супружествѣ незаконно обращаютъ супружескую любовь къ

постороннимъ: 3, кровосмѣшеніе, когда союзомъ подобнымъ супружескому соединяются ближніе родственники. Кто въ самомъ дѣлѣ грѣшенъ въ нарушеніи седьмой заповѣди, тотъ долженъ поспѣшить принести истинное раскаяніе во грѣхъ. А мало ли еще людей, которые если не грѣшатъ дѣломъ, бывъ удержаны невозможностію; то мысли и чувства ихъ всегда исполнены яда смертоноснаго. Господь Иисусъ Христосъ называетъ прелюбодѣемъ и того, кто носитъ нечистое желаніе въ сердцѣ своемъ. *Я говорю вамъ, что всякой, кто смотритъ на женщину съ вождельніемъ, уже прелюбодѣствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мѡ. 5, 28). Мало ли же такихъ прелюбодѣевъ? И долго ли Господь будетъ терпѣть насъ? Не нашелъ бы на насъ внезапно день судный? (Лук. 21 34). *Блудникомъ и прелюбодѣемъ судитъ Богъ!* (Евр. 13, 14). Грѣшникъ! Помни этотъ судъ Божій, онъ, можетъ быть, вотъ-вотъ надъ твоею головою!... Разумное существо — человѣкъ, не забывай и самаго себя, кто ты и для чего ты живешь? Тѣло твое — дѣло рукъ Божіихъ; потому должно быть посвящено Богу, а не удовлетворенію похоти. *Тѣло, говоритъ Апостоль, не блужденію, но Господеву и Господь тѣлу* (1 Кор. 6, 13). Тѣло же христіанина есть членъ Тѣла Христова, — храмъ св. Духа (1 Кор. 6, 15—19). Столь высокое достоинство тѣла твоего, христіанинъ, не обязываетъ ли тебя не осквернять его грѣхами плотской нечистоты?.. А что такое душа человѣка? Это живой образъ Самаго Творца. За чѣмъ же наполнять ее блудными помыслами и нечистыми пожеланіями? Можетъ быть, кто скажетъ, что „желаніемъ желалъ бы исполнить волю Божію, стяжевать свой сосудъ во святости и чести, а не въ страсти похотнѣй (1 Сол. 4, 3—5), но, нѣтъ силъ къ отраженію страсти, — возгарается она мгновенно, не удержиимо“. Не удивительно. Плоть наша, отъ природы немощна и склонна ко злу; а бѣсъ сладострастія то и дѣло еще поджигаетъ ее. Однако безъ всякаго

спихожденія Слово Божіе говорить, что *блудники царствія Божія не наследуютъ*. Слѣдовательно нужно намъ побѣждать плотскую страсть и—хранить цѣломудріе. Въ правилахъ христіанскаго правоученія предлагаются средства, какъ спасать себя отъ грѣха противъ седьмой заповѣди. Средства эти слѣдующія: бдительность, трудолюбіе, умѣренность въ пищѣ и питіи и молитва къ Богу—вездѣ-сущему.

1. Христіанинъ, какъ воинъ Христовъ, день и ночь долженъ бдѣть на стражѣ своего спасенія,—его долгъ имѣть попеченіе о должномъ употребленіи виѣшнихъ чувствъ, какъ то: глазъ, ушей и проч. Черезъ эти чувства грѣхъ, какъ чрезъ окна, входитъ въ душу. Долгъ христіанина также—имѣть строгій надзоръ за мыслями и желаніями, отражать отъ сердца нечистыя чувствованія; а для того онъ долженъ прежде всего убѣгать самыхъ причинъ, возбуждающихъ нечистыя чувствованія, какъ то: сладострастныхъ пѣсень, плясокъ, сквернословія, нескромныхъ игръ и шутокъ, нескромныхъ зрѣлищъ, чтенія книгъ, въ которыхъ описывается сладострастіе. Должно такъ строго слѣдить за собою, чтобъ, какъ говоритъ Евангеліе, и не смотрѣть на то, что соблазняетъ. Безпечный человѣкъ, который и одного часа не хочетъ присмотрѣть за своими поступками, конечно, на каждомъ шагу близокъ ко грѣху.

2. Трудолюбіе также обуздываетъ страсть плотскую. Кто занятъ дѣломъ по обязанности, къ которой призванъ, тотъ старается выполнять дѣло въ точности; слѣдовательно у дѣловаго человѣка не можетъ быть дурныхъ мыслей. А если онъ и появляются, то скоро разсѣваются, какъ не подходящія къ дѣлу. А праздный человѣкъ—плѣнникъ страстей: заняться ему не чѣмъ, или, вѣрнѣе, дѣломъ заняться не хочетъ онъ, а безъ дѣла живому существу оставаться нельзя,—вотъ праздный, отъ природы слабый человѣкъ и склоняется на сторону зла. 3. Умѣренное употребленіе

пищи и питія тоже важное дѣло при обузданіи страсти плотской. Извѣстно, что лакомая пища и горькіе напитки утучняютъ тѣло, а въ тучномъ тѣлѣ заводится больше страстей; слѣдовательно умѣренность въ пищахъ и питіи не дастъ хода страстямъ. Это все тоже, что и не дать соломѣ или дровъ огню, и потухнетъ. Св. Нилъ говоритъ: „отъ воздержанія рождается цѣломудріе, а чревоугодіе есть мать сладострастія“. 4. О молитвѣ, какъ средствѣ къ сохраненію цѣломудрія, св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: „желающій преодолѣть плоть свою и побѣдить самъ собою, напрасно подвизается. Если не Господь разрушитъ домъ плоти и созиждетъ домъ души, то напрасно будетъ бдѣть и поститься разрушающій,—признай предъ Господомъ немощь естества своего, все свое безсиліе, тогда нечувствительно получишь отъ Него и даръ цѣломудрія“.

Братіе! воспользуемся этими средствами; будемъ молить Господа о спасеніи,—будемъ просить Пречистую Дѣву, Матѣрь Божию и всѣхъ дѣвственниковъ,—да молятъ Господа о избавленіи насъ отъ бѣса сладострастія.—

XVIII.

Восьмая заповѣдь: *Не укради*. Господь запрещаетъ восьмою заповѣдію похищать и присвоивать себѣ не по праву чужое имущество. *Не укради*. Какъ бы такъ Господь сказалъ: „великій долженъ довольствоваться своею собственностію, кому что дано, пользуйся, а чужаго не присвоивай;—это грѣшно, это Я запрещаю—не укради“. Кажется, довольно ясно требованіе Господа и всѣ это требованіе знаютъ; даже и тѣ, которые не умѣютъ читать заповѣдей, понимаютъ, что нужно быть довольнымъ своимъ состояніемъ, а чужое брать грѣшно; потому что и совѣсть каждому твердитъ про тоже: „не бери чужаго“. Голосъ совѣсти есть тоже голосъ Божій. Какъ же бы не послушаться Господа? Однако, въ глазахъ цѣлаго свѣта

восьмая заповѣдь часто нарушается многими.—Есть грабители, которые отбиваютъ у проѣзжающихъ разное имущество, при чемъ дѣлаютъ страшныя обиды, а иногда покушаются и на жизнь человѣка, отстаивающаго свою собственность. Есть ночные воры, которые въ темную пору, большею частію во время сна, или при какихъ либо хлопотахъ хозяина прокрадываются въ чужой домъ и, что возможно, похищаютъ. Есть еще ужаснѣе преступленіе противъ восьмой заповѣди—„святотатство“, когда дерзкая рука человѣка похищаетъ имущество во храмъ Божіе и похищаетъ ту жертву, которую благотворительная рука принесла въ даръ алтарю за очищеніе грѣховъ. Ясно дѣло, что эти грѣхи безотвѣтны. Мы съ вами, братіе, кажется, невинны въ такихъ грѣхахъ; мы не воры, не грабители. Но едва ли можно сказать, что мы не виновны противъ сей заповѣди. Противъ восьмой заповѣди грѣхъ состоитъ въ похищеніи чужой собственности, но не явнымъ только образомъ,—а и тайнымъ, обманомъ или хитростію. Кто укралъ чужую вещь и обличенъ въ кражѣ, тотъ учинилъ явное воровство. А вотъ посмотрите, сколько еще воровъ и похитителей тайныхъ, лукавыхъ, которые часто предъ людьми чуть не свиты, и только на вѣсахъ правосудія Божія оказываются грѣшниками противъ восьмой заповѣди. Есть и то на свѣтѣ, что иногда ложную монету отдають вмѣсто истинной, худой товаръ вмѣсто хорошаго, употребляютъ вѣсы фальшивыя и не даютъ части изъ проданнаго; бываетъ и то, что скрываютъ свое имѣніе и разносятъ его по чужимъ домамъ, чтобъ не платить долговъ—это „обманъ“. А вотъ дѣлаются ворами и тѣ, которые берутъ подарки съ подчиненныхъ или подсудимыхъ, и по видамъ корыстнымъ возвышаютъ недостойныхъ, оправдываютъ виновныхъ, притѣняютъ невинныхъ, это „мздоимство“.—А вотъ есть еще люди, которые получаютъ жалованье за должность, а должности не исполняютъ,

берутъ плату за работу, а работы не несутъ, какъ слѣдуетъ; или есть еще лѣнницы, которые до того предаются праздности, что не дѣлаютъ никакого дѣла и живутъ милостынею—это „тунеядство“.—Еще есть грѣхи противъ 8 й заповѣди: грѣхъ прикрываемый законою наружностію. Напр. челоуѣку крайность, ему нужно взять денегъ для оборотовъ; ему даютъ, только съ неимовѣрными процентами; по причинѣ крайней нужды, бѣднякъ готовъ на все; видимая невозможность соблюсти какую либо выгоду. Такимъ образомъ онъ работаетъ на людей безъ всякаго вознагражденія. Или во время голодное—бѣдные люди не имѣютъ иногда куска хлѣба насущнаго; а богатые, пользуясь крайностію, продаютъ хлѣбъ весьма дорогою цѣною, это „лихоимство“. И такъ, если мы не явные воры, то не согрѣшили ли тайно, укрывши свой грѣхъ отъ глазъ челоуѣческихъ? Испытаемъ сами себя: не обманулъ ли кто ближняго? Не отдалъ ли кто фалшивую монету вмѣсто истинной, худой товаръ вмѣсто хорошаго! Не мѣрилъ ли мѣрою ложною вмѣсто законной, не взялъ ли кто съ подсудимаго, если ты судья? Не удержалъ ли платы у служителей, если ты хозяинъ? Можетъ быть, не расплатился честно, если ты продавецъ или покупатель? Это грѣхъ противъ осмой заповѣди. Обманулъ напр. ты челоуѣка, а Господь, насаждаей око, не смотрятъ ли? На всякомъ мѣмѣстѣ очи Господни смотрятъ злая же и благая (Притч. 15, 3). Заставилъ подсудимаго отдать послѣднее и удержалъ плату у наемника, а Сотворивый ухо не слышать ли вопля обиженныхъ? А не похитители ли предъ Господомъ тѣ люди изъ должностныхъ, которые берутъ жалованье, а обязанности своей, какъ слѣдуетъ, не исполняютъ? Тому же подобно, если и пастыри не воспитываютъ ввѣренныхъ имъ души для царствія Божія,—наставники и учителя окрадываютъ умы юныхъ питомцевъ, когда преподаютъ ученіе лѣнливо, неполно и неясно. Хотя такого рода воров-

ство незамѣтно, но оно важно; потому что касается сокровища духовнаго. А если такъ, то кто можетъ похвалиться, что онъ не грѣшенъ противъ восьмой заповѣди? Пусть же всякій помнитъ, что говоритъ слово Божіе о нарушителяхъ сей заповѣди, именно. *ни воры, ни тати царствіа Божія не наследятъ* (1 Кор. 6, 10)... Все это я говорю о воровствѣ по отношенію къ ближнимъ; а знаете ли, братіе, есть еще воровство также домашнее: мы часто сами себя окрадываемъ. Лѣность и нерадѣніе доводятъ многихъ до кражи; а почему? Потому что оно окрадываетъ у однихъ умъ: сами посудите могутъ ли быть умными тѣ люди, которые лѣнны? Задаромъ ничего не дѣлается;—у другихъ богатство: тоже подумайте—будетъ ли имѣть у себя что нибудь хозяинъ, который день и ночь предается лѣности? Подъ лежащей камень и вода не течетъ. Кто же виноватъ, что многіе бѣдны? Они сами себя обокрали и остались ни съ чѣмъ отъ лѣности своей.

И такъ, православный! Береги свое достояніе, данное тебѣ Богомъ, умножай таланты ввѣренныя тебѣ Господомъ, и чужаго достоянія не касайся.

XIX.

Девятая заповѣдь: *Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна.*—Въ чемъ состоитъ грѣхъ противъ девятой заповѣди? Онъ состоитъ въ униженіи какимъ бы то ни было образомъ чести, или имени ближняго. Вредить имени ближняго можно, или вознося на ближняго то, чего онъ никогда не дѣлалъ—это „клевета“ или осуждая и злослова его за дѣйствительные недостатки. Всеблагій Богъ предостерегаетъ насъ отъ сихъ грѣховъ девятою заповѣдію. Здѣсь указывается прямо на клевету, потому что изъ всѣхъ средствъ вредить имени ближняго, клевета есть самое угодное діаволу и гибельное для человѣка. Кто пер-

вый согрѣшилъ противъ девятой заповѣди, — какъ бы вы думали? Первый клеветникъ есть сатана: онъ еще вначалѣ пришолъ въ рай, въ которомъ блаженствовали наши праотцы Адамъ и Ева и клеветалъ на самаго Господа, извращая смыслъ Его заповѣди. Господь запретилъ вкушать отъ дерева познанія добра и зла, говоря: *аще скусите, смертію умрете*. Діаволь перетолковываетъ слова Господа: *не смертію умрете*, — говоритъ онъ Евѣ (Быт. 3, 4), и клевететь на Господа, будто Онъ запретилъ вкушать отъ дерева познанія добра и зла изъ опасенія, что Адамъ и Ева будутъ сами богами: *Владыше бо Богъ, яко въ оныяже аще день съесте отъ него, отверзнутся очи ваши, и будете яко божи*. Вотъ откуда клевета! И такъ клеветникъ покорный слуга сатаны; онъ одинъ изъ тѣхъ его послѣдователей, къ которымъ сказалъ Господь Иисусъ: *вашъ отецъ діаволь; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Онъ былъ человекоубійца отъ начала и не устоялъ въ истины; ибо нѣтъ въ немъ истины. Когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое; ибо онъ лжецъ, и отецъ лжи*. (Іоан. 8, 44). И такъ по своему началу клевета есть зло величайшее. Это одно должно бы засгавить каждаго изъ насъ бѣгать клеветы и твердо стоять въ истинѣ. Но клевета или ложь порокъ самъ по себѣ гнуснѣйшій. Сказать то, чего нѣтъ и совсѣмъ не было, вознести на ближняго порокъ, котораго онъ не знаетъ — что можетъ быть гнуснѣе? Свойственно ли это существу Богоподобному? Гнусность клеветы еще болѣе открывается, если мы обратимъ вниманіе на характеръ клеветника и на средства, коими онъ пользуется, чтобъ привести въ исполненіе задуманное зло: онъ всегда хочетъ быть въ сторонѣ и стрѣлы свои пускаетъ издали, чтобъ не быть замѣчену. Клеветника съ виду можно назвать другомъ иногда; а на самомъ-то дѣлѣ это ползущее животное, которое изъ-подтишка угрызаетъ чело-вѣка (Екл. 10, 11). Клеветникъ часто подслащаетъ ядь ме-

домъ, чтобъ обманутый другъ его безъ опаски пилъ подносимую ему чашу. Это Иуда—лобзаниемъ предающій сына человѣческаго.—Мы должны любить ближняго, какъ любимъ самихъ себя: чего себѣ не желаемъ, того и не должны дѣлать и ближнему. Но воззвать ли кто себѣ въ грудь стрѣлу? Подумай же клеветникъ! Ты вонзаешь въ грудь ближняго стрѣлу острую. Клевета уязвляетъ душу, нарушаетъ спокойствіе, глубоко оскорбляетъ оклеветаннаго, вводитъ на счетъ его въ заблужденіе другихъ. Пророкъ Давидъ молитъ Господа, *да избавитъ его отъ клеветы человеческой, и сохранитъ заповѣди Божіи* (Псал. 118). Почему же такъ—почему трудно исполнить заповѣдь Божию, находясь подъ ударами клеветы человѣческой? Потому что трудно любить клеветника: изнемогають силы, не выносить наносимаго понапрасну удара; а заповѣди Божіи велить любить всѣхъ. Таковъ порокъ—клевета!

Между тѣмъ среди насъ,—христіанъ, не рѣдко проявляется этотъ порокъ. Клеветники иногда въ судѣ на ближняго своего подаютъ ложные доносы и жалобы несправедливья. Такъ, желая избѣжать иногда законнаго иска, должникъ придумываетъ разные извороты, отказывается отъ платежа долга, внося несправедливья жалобы, будто долгъ давно уплаченъ. И на оборотъ бываетъ—жестокіе кредиторы, желая воспользоваться двойными процентами, приносятъ жалобы на должниковъ въ неплатежѣ денегъ, давно ими полученныхъ; люди должностные—другъ на друга, дабы занять мѣсто повыше, занимаемое другимъ; люди торговые тоже одинъ на другаго вносятъ несправедливья укоризны, напр. въ невѣрности расчета; а изъ чего? Изъ того, чтобъ имъ занять подрядъ или перекупить товаръ и проч. Это все относится къ клеветѣ.

Но противъ девятой заповѣди грѣшатъ еще тѣ, кои осуждаютъ ближняго, открывая его пороки. Кто изъ насъ не грѣшенъ въ этой слабости? О! всѣ мы любимъ чужіе грѣхи

наружу выводить, а свои укрывать. Вы видите кружокъ народу, или сами находитесь въ кругу знакомыхъ; о чемъ же тамъ и здѣсь идетъ рѣчь? Всего бы лучше говорить тутъ о себѣ, о томъ, кто здѣсь? Но совсѣмъ не такъ бываетъ; разговоръ ведется о лицѣ, котораго здѣсь нѣтъ. Тутъ-то всѣ его пороки открываются и пересуживаются, а явился то лице—рѣчь пошла о другомъ... И кто же таковъ ты самъ,—ты, который все свое вниманіе останавливаешь на порокахъ ближнихъ? Или ты безъ грѣха? Загляни въ самаго себя; нѣтъ ли въ тебѣ тѣхъ же самыхъ пороковъ, которые осуждаешь въ ближнемъ? Кто тебѣ далъ право судить и осуждать ближняго? Сообразно ли это съ христіанскою любовію? Кроткая любовь, правда, ненавидитъ грѣхъ, но всегда любитъ грѣшника; она никогда не дѣйствуетъ злобно; никогда не мыслитъ зла; она любитъ вездѣ только видѣть добро; отвращаетъ свои взоры отъ порока, чтобъ не замѣтить его; любовь не ищетъ для себя злобной радости въ открытіи неправды ближняго: она не смѣется надъ нимъ, но стонаетъ при видѣ ихъ; не осмѣиваетъ грѣшнаго, но сожалеетъ о немъ (1 Кор. 13). Понятно теперь, кто осуждаетъ ближняго, тотъ и не имѣетъ любви—главной добродѣтели.

Прискорбиѣе всего то, что люди не только осуждаютъ и злословятъ ближнихъ, но еще стараются оправдаться въ этомъ; какъ будто тутъ нѣтъ ничего дурнаго. Одни въ извиненіе говорятъ, что они, осуждая ближняго, вовсе не имѣютъ намѣренія вредить ему, а просто ради шутки и оживленія бесѣды говорятъ о немъ. Но достойно ли христіанину ставить своего собрата предметомъ шутки и забавы? И не оскорбишься ли самъ ты, если надъ тобою будутъ шутить подобнымъ образомъ? Другіе въ извиненіе говорятъ, что они сущую правду, а не ложь говорятъ про ближняго. Только клевета будто несправедлива, а говорить правду можно. Но кто насъ поставилъ судіями надъ

нашими ближними? *Ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеву стоитъ или падаетъ.* Одинъ сердцевъдецъ Богъ можетъ быть непогрѣшимымъ судіею человѣческихъ дѣлъ. Мы имѣемъ право судить и осуждать только себя; потому что наша душа намъ вполне открыта, а чужая душа для насъ потемки, какъ справедливо говоритъ народная пословица. Часто тѣ, кого мы осуждаемъ, стоятъ гораздо выше насъ въ очахъ Божиихъ. Иной спрашиваетъ, что за зло я сдѣлалъ, если сообщилъ что знаю и только одному лицу, притомъ просилъ его никому не открывать тайну.—Но не странно ли это? Другихъ мы просимъ не открывать тайны, а сами эту тайну имъ же открываемъ.— Не явно ли тутъ вмѣсто оправданія самоосужденіе? Не тоже ли это значить: другъ! храни тайну, какъ я ее храню—и выходить, т. е., разноси ее повсюду. Кто же поручится, что тотъ, кому ты открылъ тайну ближняго—непремѣнно скроетъ ее? Чѣмъ удостовѣриться, что тайна не огласится повсюду, и не произведетъ соблазна, пересудовъ, лжетолкованій? Не только самому не нужно клеветать и злословить, но даже и слушать злословіе не подобаетъ христіанину. Не только тотъ, кто любитъ судить и рядить другихъ, но и тотъ, кто съ удовольствіемъ слушаетъ пересуды, въ сердцѣ своемъ усаживается горделивою мыслию, что я-де не таковъ, якоже и прочіи человѣцы, однимъ словомъ, тѣшитъ свое самолюбіе. А самолюбіе—главный врагъ нашъ. Христіанскій долгъ требуетъ не только не преклонять уха къ злословію, но и заграждать уста злословящихъ.

Въ заключеніе должно сказать, что не позволительна христіанину и ложь безвредная, при которой не имѣютъ намѣренія повредить добродушному имени ближняго. Господь говоритъ, что за всякое слово праздное, еже аще рекуть чловѣцы, дадутъ они отчетъ въ день суда. Поэтому Апостоль увѣщаетъ: *слово тило да не исходитъ изъ устъ вашихъ. Тѣмже отложше лжу, глаголите истину кійждо ко*

искреннему своему (Еф. 4, 25). Припомните и слова Псалмопѣвца, который говоритъ, что Господь *погубитъ вся глаголящія лжу* (Пс. 4, 7). Поэтому всякій *удержи языкъ свой отъ зла, и устни свои, еже не глаголати лъсти*. Помните, что, по слову Ап. Іакова, только тотъ человекъ совершенный, кто не согрѣшаетъ въ словѣ (3, 2). Трудно человеку достигнуть такого совершенства, трудно ему избѣгать грѣховъ слова или языка, такъ обычныхъ въ обществѣ людскомъ. Тѣмъ паче мы должны прибѣгать съ молитвою къ Господу, повторяя слова Давида: *положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія о устнѣхъ моихъ*.

XX.

Десятая и послѣдняя заповѣдь: *Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всею, елика суть ближняго твоего*. То есть: не пожелай присвоивать себѣ чужаго, не раздумывайся много о томъ, что-де вотъ въ людяхъ то и то хорошо, того и того много, а у меня нѣтъ; иначе сказать, не завидуй. Видите ли, братіе, какъ Господь своими заповѣдями ведетъ насъ къ совершенству. Не довольно для насъ, существъ богоподобныхъ,—удаляться только худыхъ дѣлъ; для полноты совершенства нравственнаго, христіанинъ долженъ дѣлать добрыя дѣла; но не довольно и добрыхъ дѣлъ, если они добры только снаружи, надобно, что бы они въ своемъ основаніи были добры—и по мыслямъ и желаніямъ. Иногда и хороши кажутся дѣла человека, но дурны мысли въ его головѣ, нечисты его желанія; поэтому онъ далекъ отъ совершенства; поэтому требуется еще слѣдить постоянно за мыслями и желаніями, чтобъ онѣ были чисты и непорочны... Мало того, чтобъ не брать чужой вещи,—и пожелать присвоивать себѣ эту вещь грѣш-

но. Подать милостыню—хорошее дѣло; но и это дѣло будетъ не хорошее, если въ душѣ скрывается дурная мысль, напр. гордая или тщеславная. Поэтому не совершенъ христіанинъ, который не дѣлаетъ зла ближнему и не похищаетъ чужой собственности, но въ мысляхъ своихъ питаетъ къ нему неприязнь, желаніями устремленъ на чужую собственность. Не довольно вести себя въ отношеніи къ другимъ честно и благородно только по наружности, а въ душѣ своей носить нечистыя мысли и пожеланія. Многимъ нѣтъ возможности грѣшить дѣломъ, коснуться ближняго явно, а въ душѣ своей, можетъ быть, они готовы хоть на какое зло. За тѣломъ не видно душевныхъ помысловъ, но это не мѣшаетъ имъ быть. Загляните въ душу, когда вамъ угодно, всмотритесь внимательнѣе въ строй вашихъ мыслей, чувствъ и желаній, вы тамъ откроете много нечистаго, гнуснаго, постыднаго.

Часто ты занимаешься дѣломъ, и всѣ люди, смотря на тебя, почитаютъ тебя дѣловымъ человѣкомъ, а тамъ въ душѣ у тебя снуютъ бездѣльные помыслы и намѣренія, которыя ты постыдишься открыть даже другу своему. Ты стоишь на молитвѣ или работаешь что по обязанности, умъ будто дѣломъ занятъ, но въ тоже время злое сердце нашептываетъ мысли, во все не подходящія къ предмету твоихъ занятій. Испытай каждый себя во время богослуженія во храмѣ Божіемъ. Мы сюда всѣ приходимъ за добрымъ дѣломъ, помолиться Богу, повергнуть предъ Нимъ наши мольбы и благодаренія. Но такъ ли? Опомнишься подъ часъ, и стоишь будто не въ храмѣ; здѣсь только одно тѣло, а души нѣтъ; бурные помыслы унесли ее далеко, далеко!—Тутъ и желанія почестей, и приобрѣтеній и мысли о постройкахъ, производящихся по дому, и многихъ другихъ житейскихъ предметахъ...

Отъ чего же грѣшно даже мыслить о томъ, что не позволено? Какой вредъ отъ того, если я хотя и помыш-

ляю о собственности ближняго, но не касаюся ея? И вообще, грѣшна ли мысль, если она не осуществляется на дѣлѣ? — Отвѣтъ положительный: всякая мысль противозаконная грѣшна и сама въ себѣ, и по своимъ послѣдствіямъ. Предъ Господомъ, видящимъ и движенія сердечныя, все открыто и извѣстно (Притч. 15. 3). Поэтому наши мысли и дурныя желанія, хотя отъ людей сокрыты, затаены, но все ихъ безобразіе видно Творцу души, которая поэтому не чиста предъ Творцемъ своимъ и не достойна Его, какъ сказалъ Соломонъ: *мерзость Господеви всякъ помыслъ неправедный*. Поэтому *очистимъ себя отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню въ страхъ Божию* (2 Кор. 7, 1). Да и то сказать, прилично ли душу, созданную по образу Божію, наполнять богопротивными мыслями и грѣховными желаніями? Душа христіанина есть какъ бы внутренній покой самаго Господа Духа Святаго. За чѣмъ же въ это святилище помѣщать нечистые образы? Не оскорбится ли ими Духъ Святой? И можно ли тогда назвать эту храмину покоемъ Святѣйшаго? Вообразите себѣ, что вамъ поручено было бы приготовить и украсить покой для Царя православнаго: осмѣлились ли бы вы увѣсить ихъ какими нибудь недостойными, гнусными картинами? Такъ и душа, такъ сказать, увѣшенная, какъ образами, помыслами нечистыми, будетъ ли достойнымъ покоемъ Царя небеснаго? Если будемъ говорить о помыслахъ по отношенію къ послѣдствіямъ ихъ, то и тогда они не достойны христіанина и строго запрещаются десятою заповѣдію. Положимъ, сами по себѣ, въ началѣ помыслы еще бы ничего, но они корень злыхъ дѣлъ; отъ грѣховныхъ желаній и помышленій родятся грѣховныя дѣла; убійца сдѣлался отъявленнымъ не отъ того ли, что прежде размышлялъ объ убійствахъ, дѣлалъ планы въ душѣ своей; каждый прелюбодѣй отъ чего дошелъ до разврата, если не отъ того, что день и ночь прежде

размышлять о сладострастїи; не занимайся человекъ прежде своими помыслами дурными, не было бы многого зла на свѣтъ: *отъ сердца бо исходятъ помышленія зла, убійства, прелюбодѣлія, татбы, лжесвидѣтельства, хулы* (Матѳ. 15, 19). О! злой мысли беречься нужно какъ искры... Какъ отъ искры можетъ произойти страшный пожаръ, такъ отъ дурной мысли раждаются великія злодѣянїя. Спросите, быть можетъ, куда же дѣваться отъ помысловъ, — они иногда противъ воли лѣзутъ въ голову; какъ отъ нихъ избавиться? Точно, братіе, трудно и даже невозможно освободиться отъ злыхъ помысловъ; какъ на небѣ облака преслѣдуютъ другъ друга, такъ въ душѣ толпятся разные помыслы. Такъ что же? отражайте ихъ и боритесь. Помыслы дѣлаютъ насъ виновными предъ Богомъ, лишь тѣ, на которыхъ мы останавливаемся, которыми усаждаемся, задерживаемъ, питаемъ ихъ своими желанїями и чувствами, а тѣ помыслы, которыми мы не усаждаемся, а прогоняемъ ихъ, безвредны; пусть помыслы нападаютъ, мы тѣмъ болѣе должны бодрствовать на стражѣ своего спасенїя... За тѣмъ, братіе, окончивъ наши бесѣды о заповѣдяхъ Божїихъ, постараемся быть *творцами слова Божїя, а не слышателями забывчивыми* (Іак. 2). Господь говоритъ: *Не всякій говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца моего небеснаго* (Матѳ. 7, 21). Жаловаться на тяжесть заповѣдей нельзя: *иго Божїе благо, и бремя Его леко* (Матѳ. 11, 30). Нужно однако быть неослабнымъ и молить Господа, чтобъ Онъ Самъ зажегъ въ сердцахъ нашихъ любовь къ Нему и далъ бы такую благодать, чтобы *сладки были зортали нашей словеса Его, паче меда устомъ нашимъ* (Псал. 118).

Протоіерей *Василій Никольскій*.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ

Огюста Николя.

VII.

ПЛОДЫ ХРИСТІАНСТВА.

3. Плоды христіанства въ отношеніи къ общественно-й жизни.

Истина христіанства, какъ мы видѣли, вполне оправдывается прямыми плодами его ученія и его нравственности по отношенію къ міру высшему, къ жизни духовной; но и на жизнь временную оно имѣетъ, хотя косвенное, но самое благотворное вліяніе.

Прямая цѣль христіанства состоитъ въ томъ, чтобы освятить человѣка при помощи благодати, спасти его отъ зла и ввести въ царствіе небесное. Эту цѣль преслѣдуетъ христіанство въ отношеніи къ каждому человѣку, взятому въ отдѣльности и достигаетъ ее непосредственнымъ, сокровеннымъ дѣйствіемъ въ душахъ: здѣсь оно, при участіи воли человѣческой, совершаетъ дѣло личнаго, индивидуальнаго освященія, вопреки всѣмъ внѣшнимъ препятствіямъ, независимо отъ какихъ бы то ни было временныхъ обстоятельствъ и состояній общественнаго и гражданскаго быта. Въ этомъ смыслѣ христіанство приноситъ обильный плодъ, начиная отъ первыхъ дней своихъ и донинѣ, имѣя въ виду одну вѣчность. При этомъ оно уживается со всякимъ общественнымъ бытомъ, даже съ Ка-

лигулами и Перонами; оно *воздастъ Кесарева Кесареви*, ибо *царство его нѣсть отъ міра сего*.

Но преслѣдуя съ самаго начала эту прямую цѣль, христіанство должно было косвенно и послѣдовательно вліять и на временную, общественную жизнь человѣчества, на формы внѣшняго его быта и устройства, вліять дѣйствіемъ тихимъ, медленнымъ, но тѣмъ не менѣе глубоко проникающимъ и преобразующимъ. Сіе-то дѣйствіе его мы должны теперь изслѣдовать.

Христіанство неизбѣжно должно было сопровождаться подобнымъ дѣйствіемъ. Это есть неизбѣжное послѣдствіе всякаго ученія, которое имѣетъ какую нибудь силу дѣйствовать въ большей или меньшей мѣрѣ сверху внизъ, отъ частныхъ лицъ на цѣлое общество. По качеству и пространству сего дѣйствія можно судить объ истинѣ ученія. Общества человѣческія, большія и малыя, живутъ особою коллективною жизнію, которая вовсе не есть пустое отвлеченіе, какъ нѣкоторые думали. Эта жизнь выражается и поддерживается тѣмъ, что мы называемъ общественными узами, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ живемъ мы, какъ члены общества; сюда относятся законы, обычаи, учрежденія, нравы, мнѣніе, сложившееся исторически. Каждый изъ насъ имѣетъ, конечно, личную свободу, и движеніемъ сей свободы обусловливается великое разнообразіе идей, нравовъ и дѣйствій на поверхности общества; подобно тому, какъ движеніе пассажировъ на палубѣ корабля принимаетъ самыя разнообразныя направленія. Но какъ корабль движется въ томъ или другомъ направленіи и уноситъ съ собою всѣхъ пассажировъ, не смотря на свободу ихъ движеній: такъ и среда, въ которой мы рождаемся, неотра-

зимо дѣйствуетъ на насъ, тагъ дѣйствуетъ общество на своихъ членовъ. Но, и наоборотъ, члены должны также дѣйствовать на общество, если по какому нибудь случаю они вдохновлены гораздо высшимъ началомъ, чѣмъ то, какимъ живетъ общество. Въ этомъ случаѣ, и только исключительно въ этомъ, справедливо будетъ сказать съ Гизо, что самъ человѣкъ создаетъ общество, что въ силу одушевляющихъ его идей, чувствъ, расположеній нравственныхъ общество получаетъ тотъ или другой строй, то или другое направленіе. Но для этого необходимо, повторяю, чтобы человѣкъ былъ нравственно вдохновленъ началомъ особымъ и гораздо высшимъ, чѣмъ то, какимъ живетъ общество.

1. Прежде чѣмъ изслѣдовать вліяніе христіанства на бытъ и строй общественной жизни, нельзя не замѣтить, что самое средство, какимъ оно при семъ пользуется, составляетъ уже первый и весьма важный результатъ его благотворнаго вліянія, ибо оно служитъ какбы рычагомъ новѣйшей цивилизаціи: говорю объ этомъ началѣ воздѣйствія частныхъ лицъ на общество, которое чуждо было древнимъ обществамъ.

У народовъ языческихъ общество составляло все; члены его, какъ индивидуумы, не имѣли никакого значенія; они были всецѣло поглощены обществомъ. Отечество было нѣкимъ божествомъ, которому приносилось въ жертву все; оно позволяло своимъ дѣтямъ дышать только для него одного; его ненависть была ихъ ненавистію, его страсти были ихъ страстями, его предразсудки были ихъ предразсудками; его могущество обуславливалось ихъ личнымъ ничтожествомъ, его свобода опира-

лась на ихъ рабствѣ. Для нихъ не было убѣжища въ иномъ высшемъ мірѣ, который открыть воздыханіямъ страждущихъ и обремененныхъ въ христіанствѣ, который пріемлетъ ихъ жалобы и угрожаетъ наказаніемъ ихъ притѣснителямъ. Боги были участниками общества въ его тиранинн надъ отдѣльными лицами, потому что они были не что иное, какъ само же это общество обоготворенное и тяготѣвшее всею тяжестью Олимпа надъ землею. Минерва, Венера, Юпитеръ—это были олицетворенныя Греція, Азія, Римъ; и чтобы такое отождествленіе власти земной и небесной было полнѣе, властители земные были облечены правами и почестями божескими; антропоморфизмъ боговъ и апотеоза людей взаимно поддерживали другъ друга. Замѣтимъ, наконецъ, что такой стѣснительный, подавляющій личную свободу порядокъ дѣлъ повторялся на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни, во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ общества: въ какомъ положеніи гражданинъ находился въ отношеніи къ обществу, въ такомъ же положеніи дѣти были поставлены въ отношеніи къ мужу, рабъ въ отношеніи къ господину, и вообще, слабый въ отношеніи къ сильному; первый былъ безотвѣтною, безправною жертвою послѣдняго, и ничуть не принадлежалъ себѣ. II, что особенно замѣчательно, тяжесть этого роковаго давленія находилась въ обратномъ отношеніи къ количеству: это была какъ бы пирамида рабскихъ состояній, вершину которой составляла общественная свобода.

Такая твердая, крѣпко сплоченная организація общества, превращающая всѣ отдѣльныя личности въ какія-то молекулы сложнаго цѣлага, должна была производить изумительные результаты

матеріальной силы и матеріальнаго величія. Пужно даже сказать, что въ апогеѣ своего могущества, въ героическія времена древнихъ республикъ, онѣ представили примѣръ нѣкакого нравственнаго величія въ этомъ верховномъ отождествленіи частныхъ волей съ волею общества, — величія, которое всегда соединяется съ идеею жертвы, когда воля вдохновляется ею и осуществляетъ ее: таково было время Мильтіадовъ для Афинъ, Леонидовъ для Спарты, Регуловъ для Рима.

Но это время было очень непродолжительно въ сравненіи съ долгою жизнію новыхъ обществъ; оно куплено было дорогою цѣною неисчислимыхъ жертвъ и смѣнилось неизлѣчимымъ растлѣніемъ, несправимымъ разстройствомъ. Такъ какъ личная свобода человѣка, индивидуальная его сила поглощались и исчезали въ качествѣ гражданина, а это качество или право гражданства теряло свою силу и значеніе по мѣрѣ распространенія своего, то, когда исчезли привилегіи гражданства, всѣ превратились въ рабовъ. Всѣ права и всѣ естественныя чувства человѣка были поправы, искажены, нарушены этими неумолимо суровыми учрежденіями древняго общества (*). Столь ложное и насильственное состояніе не могло долго продолжаться; за малѣйшимъ ослабленіемъ его быстро должно было послѣдовать паденіе. Не было никакого противовѣса, никакого охранительнаго начала, которое предохранило бы древнее общество отъ собственныхъ крайностей, никакой жизненной и

(*) Эти стѣснительныя учрежденія внушили Корнелю слѣдующее двоестишіе:

Je rends graces aux dieux de n'être pas Romain:
Pour conserver encore quelque chose d'humain.

возродительный элемент не могъ его преобразовать, обновить и оживить. И, удивительное дѣло, то самое, что составляетъ жизненную силу нашихъ новѣйшихъ обществъ, что ведетъ ихъ отъ силы въ силу, — личная свобода, естественное право, взаимное сочувствіе и вспоможеніе, распределеніе труда и обязанностей, прогрессъ въ изысканіи истины и т. под., все это было смертоноснымъ началомъ для жизни древнихъ обществъ, все это неизбежно вело къ разложенію оныхъ, потому что общества сіи въ существѣ своемъ были нечто иное, какъ организованное нарушение и поправленіе всѣхъ этихъ великихъ началъ общественной жизни (*). Правда, самыя начала сіи, въ силу такого нарушения и поправленія оныхъ, какъ бы исчезли изъ сознанія человѣчества; но и того, что еще инстинктивно оставалось въ сознаніи древняго человѣка и коренилось на сихъ началахъ, было достаточно къ разложенію и конечному разстройству общества, безъ возможности возродить и обновить оное. Вотъ почему міръ языческой въ последнее время своего существованія представлялъ неизобразимое зрѣлище разложенія и упадка, гдѣ не было ни свободы, ни подчиненія, но всюду и вездѣ рабство и дикій произволъ.

Явилось христіанство. Ни единого слова не сказала оно обществамъ человѣческимъ, такого

(*) Это особенно замѣтно у Римлянъ, гдѣ по мѣрѣ того, какъ начало справедливости, равной для всѣхъ, проникаетъ въ ихъ положительное право (а проникало оно какбы *крадуци, тайкомъ*), строй общества нарушался такъ, что вѣкъ процвѣтанія права совпадаетъ съ глубочайшимъ разстройствомъ общественнаго порядка.

слова, которое прямо бы относилось къ ихъ преобразованію. Оно приняло гражданскій бытъ общество въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ ту пору, и объявило, что оно не вмѣшивается въ него: *Царство Мое нѣсть отъ міра сего*, изрекъ Основатель христіанства. Оно осватило даже принципъ государственной власти, отъ которой существенно зависитъ порядокъ гражданской жизни, оно повѣло воздавать *Кесарева Кесареву*, требуя только, что быи *Божія воздаваемо было Богови*. Впрочемъ, если бы кто не замѣтилъ ничего новаго въ этомъ сдержанномъ, осторожномъ отношеніи христіанства къ высшему гражданскому строю общества, если бы на сдѣланное имъ разграниченіе области гражданской и духовной стали указывать (какъ это и дѣл ютъ) какъ на конечный предѣлъ его власти и вліянія, далѣе котораго уже не простирается его дѣйствіе: это было бы признакомъ крайней близорукости и недалковидности. Нѣтъ, въ этомъ-то разграниченіи двухъ областей и порядковъ и находится вся сила и мощь христіанства, не въ приведеніи только душъ къ Богу, но чрезъ сіе самое и для высшаго направленія и благоустроенія земныхъ дѣлъ человѣческихъ.—Развѣ тутъ нѣтъ ничего новаго, когда христіанство явилось среди людей, какъ *царство не отъ міра сего*, и призывало къ себѣ всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ, гонимыхъ и преслѣдуемыхъ, бросая въ то же время страшныя проклятія противъ ненавистнаго своекорыстія, неправды, роскоши, насилія? Развѣ это не новость неслыханная, что оно отдѣлило *Кесарева* отъ *Божіихъ*, указало, что должно воздавать Кесарю и что Богу, и, въ случаѣ столкновенія сихъ двухъ обязанностей, узаконило, что

долгъ въ отношеніи къ Богу должно предпочитать долгу въ отношеніи къ Кесарю? До сего времени, какъ мы уже сказали, гражданское общество сосредоточивало въ себѣ всю власть и силу, всѣ права и преимущества; оно принимало человѣка подъ свою опеку съ самой колыбели и, усвоивъ себѣ надъ нимъ безусловное право жизни и смерти, не только физической, но и нравственной, относилось къ нему въ такомъ смыслѣ: «ты будешь жить, мыслить, чувствовать только для меня; мои боги будутъ твоими богами; даже инстинкты и стремленія твоей природы должны быть покорны моимъ велѣніямъ, и, еслибы между первыми и послѣдними возникла борьба, столкновение, ты долженъ предпочесть послѣднія, т. е. мои узаконенія». Христіанство противопоставило этой всепоглощающей власти и силѣ иную власть, совершенно отличную отъ нея, которая освящала и утверждала власть гражданскую, но также позволяла и даже предписывала *паче повиноваться Богу* въ томъ случаѣ, когда велѣнія ея были прямо противны закону Божію. Конечно, эта высшая, духовная власть, въ принципѣ, всегда была близка сознанію человечества, и совѣтъ человѣка во все времена должна была возставать противъ завѣдомо-безнравственныхъ требованій; но вполне ясное и раздѣльное представленіе о сей верховной власти и о долгѣ безусловнаго повиновенія оной явилось только съ христіанствомъ, только оно провело точную границу между царствомъ Божіимъ и царствомъ міра сего, только Іисусъ Христосъ уяснилъ для насъ своимъ откровеніемъ верховную власть Бога и Его святаго закона, простирающіяся на всю вѣчность послѣдствія такого или иного отношенія

нашего къ сему закону, побужденія и средства къ исполненію его, и не только открылъ и уяснилъ все сіе, но и увѣковѣчилъ, основавъ на землѣ Церковь, которая должна служить представительницею Его власти до скончанія міра.

Съ сихъ поръ человѣкъ не былъ уже только Грекомъ, Римляниномъ, или Германцемъ; онъ могъ быть христіаниномъ, членомъ Церкви вселенской, гражданиномъ царства Христова, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, въ какой бы странѣ ни жилъ,—и въ подчиненіи обязанностямъ этого новаго своего званія онъ могъ находить совершеннѣйшую свободу, какая только возможна для человѣка, и драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣческихъ: свободу не дѣлать зла; право творить добро, не въ смыслѣ относительномъ, т. е. не въ интересахъ той или другой страны, того или другаго вѣка, но добро въ смыслѣ безотносительномъ, безусловномъ, божественномъ,—свободу и право быть господиномъ своей души, и, не смотря на всѣ роды и виды зависимости по своему общественному положенію въ земной жизни, дышать воздухомъ небеснымъ, привитать душею на небѣ. За сію-то свободу духа и совѣсти древніе христіане, по словамъ Тертуліана, охотно шли на смерть; она-то внушила ему это гордое слово: человѣкъ никому не подчиненъ, кромѣ Бога.

Легко было бы показать, что отъ этой религіозной свободы ведутъ свое начало всѣ другіе виды свободы,—гражданской, политической, соціальной, что они развивались изъ нея мало по малу до нашихъ дней, и что ходъ исторіи направляется къ тому, чтобы утвердить полное согласіе между сими видами свободы, освятить и проникнуть

ухъ религіознымъ началомъ (*). Но изслѣдованію о семъ пужно бы посвятить не отдѣльную главу въ книгѣ, а цѣлые томы. Во всякомъ случаѣ тотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, что христіанство, утвердивъ свою духовную власть въ мірѣ, высвободило челоуѣка изъ-подъ безусловной зависимости отъ власти земной, временной, что отличивъ и отдѣливъ первую власть отъ послѣдней, оно впервые облекло его силою личной свободы предъ лицомъ земной власти, а чрезъ это самое внесло въ мірѣ новое, небывалое начало,—начало воздѣйствія на общество отдѣльныхъ членовъ онаго

(*) „Отстаивая, въ борьбѣ съ языческимъ міромъ, независимость и свободу внутренней, духовной жизни вообще, безотносительно къ лицамъ, Церковь, говоритъ Гизо, тѣмъ самымъ пролагала путь къ независимости личной въ сферѣ духовной жизни, предуготовляя личную свободу мысли. Церковь утверждала, что система религіозныхъ вѣрованій не можетъ быть насильно навязываема, не можетъ находиться подъ игромъ внѣшней силы: точно также могло говорить каждое отдѣльное лице, отстаивая независимость своихъ убѣжденій противъ всякаго внѣшняго насилія. Такимъ образомъ отдѣленіе духовнаго отъ мірскаго, божественнаго отъ челоуѣческаго, послужило источникомъ свободы совѣсти. Это великое начало свободы, изъ-за котораго Европа столько вынесла борьбы и страданій, и которое такъ медленно достигало господства и часто вопреки желанію клерикаловъ, начало это было положено еще въ колыбели европейской цивилизаціи, скрываясь подъ именемъ отдѣленія духовнаго отъ мірскаго и временнаго; его ввела и поддерживала церковь христіанская, бывъ подвигнута къ тому стѣнительнымъ своимъ положеніемъ. Histoire de la civilisation en Europe, edit. Charp. p. 145 и 54.

что могло быть только въ высшей степени полезно для самаго общества; потому что такое воздѣйствіе служитъ противовѣсомъ крайностей, въ которыя могло бы вдаться общество, возсталяетъ его при упадкѣ, возрождаетъ и обновляетъ въ случаѣ порчи и растлѣнія, движетъ и толкаетъ его впередъ. Вотъ почему съ появленіемъ христіанства міръ увидѣлъ зрѣлище дотоле невиданное: явились апостолы, мученики, отшельники, исповѣдники, Святые всякаго чина, учрежденія всякаго рода, и все это опиралось на идеѣ высшей, духовной, не земной власти, отличной отъ всѣхъ властей міра; все это служило выраженіемъ идей евангельскаго совершенства, примѣнительно и соотвѣтственно нуждамъ времени, вдохновлялось началомъ высшимъ, вполне независимымъ отъ измѣнчивыхъ обстоятельствъ и потребностей времени, поддерживало свѣтъ истины во мракѣ невѣжества или заблужденія, неизмѣнное правило долга при господствѣ дикаго произвола, противопоставляло всякаго рода добродѣтели всѣмъ видамъ порока, служило всегдашнимъ, непрестающимъ протестомъ противъ распущенности нравовъ. Стоитъ прибавить къ сему, что міръ иногда воздвигалъ гоненія противъ этихъ лицъ и учреждений, но съ теченіемъ времени онъ самъ признавалъ свою вину въ этомъ и по ихъ слѣдамъ возвращался на путь истины.

Міръ изначала вопіялъ противъ этой несокрушимой и освящающей силы, обзывалъ ее врагомъ человѣческаго рода; во все времена была и всегда будетъ борьба между духовнымъ и мірскимъ, между вѣрою и разумомъ, между властію духовною и мірскою; но, осматриваясь назадъ, на общій ходъ исторіи, нельзя не видѣть, что этой-то борьбѣ

міръ и обязанъ своимъ благомъ и своею цивилизаціею; чрезъ эту борьбу выяснилась и доказала свою силу истина, чрезъ нее сохранились ея неприкосновенность и независимость, необходимая ей для воздѣйствія на общество, растлѣніе и поврежденіе котораго могло бы исказить и ее, если бы она утратила свою неприкосновенность и несмѣшанность. Таково великое орудіе цивилизаціи, которымъ общества человѣческія обязаны христіанству, посредствомъ котораго оно постепенно и повелѣдательно преобразовываетъ и обновляетъ оныя не только духовно и нравственно, но и въ отношеніи къ вѣщному гражданскому благоустройству.

Сему-то могущественному средству христіанскія общества обязаны продолжительнымъ своимъ существованіемъ, всегда столь дѣятельнымъ, этою вѣчною, такъ сказать, юностію, этою неистощимою полнотою жизни, которая и послѣ столькихъ вѣковъ не изсякаетъ, но открываетъ предъ нами новые виды и формы гражданского благоустройства. Они могутъ подвергаться революціямъ, испытывать реформы, постепенно переходить изъ одного состоянія въ другое; но они не знаютъ того роковаго паденія, того неизцѣльнаго разстройства и разложенія, съма котораго древнія общества носили въ своихъ нѣдрахъ, и ходъ котораго такъ вѣрно изображенъ Боссюэтомъ и Монтескье, Съ другой стороны, имъ невѣдома и эта тупая неподвижность народовъ Индіи, которые не живутъ, а прозябаютъ, Христіанскія общества живутъ дѣйствительною жизнью и идутъ отъ силы въ силу. Это потому, что въ основу ихъ положена божественная истина, составляющая жизнь и силу разумныхъ существъ. Нѣкою долею этой истины обла-

дали и древніе народы язычества, но она постепенно оскудѣвала у нихъ въ слѣдствіе смѣшенія съ преходящимъ порядкомъ вещей и всецѣлой зависимости отъ него, отъ каковой зависимости ничто не могло высвободить ее. Что касается до народовъ Индіи, тамъ частица истины, лежащей въ основѣ ихъ быта, хранится въ видѣ безобразной муміи подъ бинтами и повязками внѣшней власти, и въ совершенной недоступности для свѣжаго и вольнаго воздуха разума. Между тѣмъ въ обществахъ христіанскихъ истина, составляющая глубочайшую основу ихъ жизни, всецѣло изъята отъ всякаго смѣшенія съ стихіями жизни мірскими, временными, почти непрестанно находится въ борьбѣ съ ними, доступна для вѣхъ умовъ, тѣмъ не менѣе твердо стоитъ и держится, не смотря на всякаго рода гоненія, обольщенія и превратности, образуя какъ бы незыблемое и жизненно-дѣйственное средоточіе, на коемъ утверждается и развивается человѣчество въ безконечномъ кругѣ жизни (*).

(*) Вотъ что говоритъ Гизо: „деспотизмъ и тираннія, кои являются намъ въ исторіи неразлучными съ мусульманскою цивилизаціей, имѣютъ свой корень и начало въ отождествленіи власти духовной и мірской, въ смѣшеніи авторитета нравственнаго и силы матеріальной. Вотъ гдѣ скрывается коренная причина неподвижности и застоя мусульманской цивилизаціи Hist. de la civilis. en Franse t. 1. p. 76). Тоже самое и въ Индіи: общество продолжаетъ существовать, но неподвижное и какъ бы окаменѣлое (Hist. de la civil. en Europe. p. 34).— Если взглянуть вообще на исторію народовъ, европейская цивилизація представляется безъ всякаго сравненія выше и богаче всякой другой. Вотъ уже 15 вѣковъ она существуетъ, и все таки находится въ со

С Л О В О

въ понедѣльникъ святыя седмицы, на погребеніе преосвященнѣйшаго Кирилла, Архіепископа Подольскаго и Брацлавскаго (*).

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смертью поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.

Мы празднуемъ воскресеніе, а смерть совершаетъ свое празднество; мы торжествуемъ побѣду надъ нею, а она сама одерживаетъ побѣду новую; мы пѣснословимъ дарованіе живота сущимъ во гробѣхъ, а смерть новую низводитъ во гробъ жертву,—и какую жертву!—Чтожь это значить? Гдѣ побѣда надъ смертію? Какой смыслъ въ словахъ и Пророка (Ос. 13, 14) и Апостола (1 Кор. 15, 55. 56): гдѣ твоя, смерте, побѣда?—Нѣтъ, Слуш.! смерть не празднуетъ, не побѣждаетъ, не получаетъ жертвы.

Побѣда надъ смертію такъ же несомнѣнна, какъ несомнѣнно и Христово воскресеніе. Если бы не было сей побѣды, то не было бы и Христова воскресенія; но Хри-

стояніи непрерывнаго прогресса; она не идетъ такъ быстро, какъ цивилизація греческая, но не престааетъ возрастать и развиваться, не знаетъ остановокъ. Она видитъ предъ собою неизмѣримое поприще, и со дня на день ускоряетъ свой шагъ, потому что всѣмъ ея движеніямъ сопутствуетъ большая и большая свобода. Въ отличіе отъ другихъ цивилизацій, гдѣ исключительное господство одного начала повело въ тиранніи и деспотизму, въ Европѣ разнообразіе элементовъ социальнаго порядка и состояніе борьбы, въ которой она постоянно находилась, имѣло въ своемъ окончательномъ результатѣ свободу⁴. Hist. de la civil. en Europe, p. 37.

(*) Произнесено 31 марта 1841 г., когда преосвящ. Николай былъ еще Ректоромъ С.-Петербург. Дух. Академіи.

стось воскресь, и побѣда надъ смертію одержана. Или то можетъ еще останавливать чью-либо увѣренность въ побѣдѣ надъ смертію, что люди умирають и по воскресеніи Христовомъ, какъ—и до Его воскресенія? Но и самому Іисусу Христу надлежало умереть, дабы въ самомъ Его тѣлѣ жизнь одержала полную побѣду надъ смертію. Иначе какъ или въ чемъ могла бы произойти дѣйствительная пражизни со смертію, и столь же дѣйствительная побѣда первой надъ послѣднею? По-этому же должно умирать и христіанамъ, да смертность ихъ тѣла умертвится самою смертію тѣла, и *животъ Іисусовъ живется въ мертвенный* и умершей ихъ *плоти*, повымъ ея оживотвореніемъ (2 Кор. 4, 11. 12).

Еслижъ любопытно знать различіе смерти нашего тѣла прежде и послѣ Христова воскресенія, или безъ Христа и во Христвѣ: то оно состоитъ въ томъ, что прежде, и безъ Христа, тѣло человѣческое долженствовало обращаться только какъ земля въ землю, по первоначальному приговору: *яко земля еси, и въ землю отидеши* (Быт. 3. 19), не смягченному еще дарованіемъ новой жизни; но послѣ воскресенія Христова, и во Христвѣ, тотъ же приговоръ, хотя не отмѣненъ, поелику грѣхъ, *жало смерти* (1 Кор. 15, 56), проникъ самую природу человѣка, но уже проникновенъ Божіимъ милосердіемъ, дарующимъ во Христвѣ жизнь самому грѣшнику, и тѣло христіанское возвращается въ персть, изъ коей взято (Быт. 3, 19), уже не просто какъ земля, но какъ зерно будущаго тѣла, которое не возродилось бы, если бы первое, т. е., теперешнее наше тѣло не умирало, подобно тому, по сравненію Апостола, какъ и зерно пшеницы, брошенной въ землю, *не оживетъ аще не умретъ* (1 Кор. 15, 36).

Теперь можно спросить на-оборотъ: гдѣ же, смерть, твоя побѣда надъ тѣломъ христіанскимъ, когда ты сама, какъ раба, работаешь надъ симъ тѣломъ для новой его жизни? Истинно слово, что *пожертва бысть смерть побѣдою*, даро-

ванною намъ самимъ Богомъ въ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ (1 Кор. 15, 54. 57)!

При такомъ взглядѣ на смерть христіанина, что намъ остается дѣлать и при гробѣ почившаго Святителя? Прервать ли настоящую радость всей Церкви о воскресеніи Иисуса Христа, а въ Немъ и всего человѣчества, скорбію о кончинѣ Архипастыря, и тѣмъ омрачить всеславное торжество; или самую скорбь растворить настоящею радостію, чтобы такимъ образомъ и ничего не отнять у настоящаго торжества и воздать приличный долгъ Почившему? — Настоящая скорбь наша была бы справедлива. Сама Вѣра не отрицаетъ сей скорби, когда объясняетъ, что наша смерть есть слѣдствіе не природы, а грѣха: какъ же намъ не сокрушаться горестію при каждомъ появленіи столь горькаго плода нашего своеволія? — Самый видъ умершаго тѣла необходимо наводитъ скорбь на каждаго изъ насъ; ибо въ лицѣ другаго умершаго каждый видитъ уже участь собственную, и чувство жизни содрогается отъ вида смерти, какъ отъ вида своего врага. Притомъ, кто прежде смерти извѣдалъ этотъ мрачный путь за гробомъ? А такая неизвѣстность загробнаго будущаго, неразгаданная для человѣка, не можетъ не подавлять его всею тяжестію самой страшной неизвѣстности. Но прежде всего, разлука съ самимъ Святителемъ не стоитъ ли, и можетъ ли не пробудить самой глубокой горести во всякомъ, кто только его зналъ? И такъ наша скорбь о немъ и въ настоящее время была бы справедлива! И было бы кому скорбѣть. Его почтили бы достойною скорбію Правительствующій Соборъ Церкви, лишившійся въ немъ ревностнѣйшаго сотрудника. Заплатила бы ему свой послѣдній долгъ своею искреннею горестію и его паства, нынѣ истинно осиротѣвшая. Предались бы горестному сѣтованію о немъ его сродники и други, потерявшіе въ немъ нѣжнѣйшаго брата и друга. Скорбѣла бы вся Церковь, ибо чувство потери тѣмъ живѣе и острѣе

пробѣгаетъ по всему тѣлу, чѣмъ важнѣйшій членъ отъ тѣла отторгается. Но когда наипаче, если не нынѣ, среди торжества о воскресеніи Христовомъ, а въ Немъ и нашемъ, намъ прилично вспомнить и исполнить наставленіе Апостола вѣрующимъ, чтобы они не предавались безъутѣшной скорби о своихъ умершихъ?—Онъ всѣмъ, въ лицѣ Солунскихъ христіанъ, говоритъ: *да не скорбите о умершихъ, якоже и прочіи немущіи упованія*; и представляетъ причину: *аще бо спремъ, яко Иисусъ умре и воскресе, тако, должны, т. е., мы вѣровать, что и Богъ умершій во Иисусъ приведетъ съ Нимъ*, безъ сомнѣнія, туда же и въ то же состояніе, гдѣ и въ какомъ состояніи самъ Иисусъ Христосъ—по воскресеніи (1 Солун. 4, 13. 14). Ужелижъ мы, имущіи самое вѣрное упованіе, уподобимся нынѣ не имущимъ никакого упованія, предавшись безотраднѣйшей скорби о почившемъ Святителѣ, хотя справедливой, но и неприличной ни, въ частности, настоящимъ днѣмъ, ни, вообще,—христіанамъ? Нѣтъ, нашъ долгъ вѣровать, что Иисусъ Христосъ, самъ умершій и воскресшій, приведетъ съ собою и почившаго Святителя къ вѣчной жизни и славѣ. Чтобы такимъ образомъ усладить нашу скорбь, коснемся тѣхъ основаній, на которыхъ утверждается сія утѣшительная увѣренность, и которыя скрываются частію въ общемъ христіанскомъ ученіи о нашемъ воскресеніи, а частію и въ жизни Почившаго.

Естественный разумъ нашъ самъ собою не постигнетъ тайны воскресенія; ея смыслъ отъ него закрытъ гробовою доскою. Поэтому не удивительно, что съ того же времени начали появляться невѣрующіе въ воскресеніе, какъ началось о немъ въ полномъ свѣтѣ преподаваться ученіе, т. е., съ первыхъ дней христіанства. Апостолъ Павелъ много разсуждалъ о семъ предметѣ; и вамъ, Слуш., безъ сомнѣнія, пріятнѣе будетъ услышать теперь его разсужденіе вмѣсто нашего изслѣдованія. „Я, говоритъ онъ Коринѳянамъ, „прежде преподавалъ вамъ то, что и самъ при-

„няль, что Христось умеръ за грѣхи наши, по Писанію;
 „что Онъ погребенъ былъ и воскресъ въ третій день,
 „по Писанію; и что явился Кифъ, потомъ—двѣнадцати,
 „потомъ—болѣе нежели пяти стамъ братіямъ въ одно время,
 „изъ коихъ большая часть и донинѣ въ живыхъ, а нѣ-
 „которые и почили; явился также Іакову и опять—всѣмъ
 „Апостоламъ; а послѣ явился и мнѣ.... Такъ мы пропо-
 „вѣдуемъ, такъ и вы увѣровали. Если же проповѣдуется,
 „что Христось воскресъ изъ мертвыхъ: то какъ нѣкто-
 „рые изъ васъ говорятъ, что воскресенія мертвыхъ нѣтъ?
 „Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то и Христось не во-
 „скресъ. А если Христось не воскресъ: то и проповѣдь
 „наша тщетна, тщетна и вѣра ваша. И мы оказались бы
 „лжесвидѣтелями предъ Богомъ, поелику свидѣтельствова-
 „ли бы о Богѣ, что Онъ воскресилъ Христа, котораго Онъ
 „не воскресилъ, если мертвые не воскресаютъ. Ибо еже-
 „ли мертвые не воскресаютъ, то и Христось не воскресъ.
 „Но Христось воскресъ изъ мертвыхъ, и—сдѣлался пер-
 „венцемъ изъ умершихъ. Ибо какъ смерть вошла въ родъ
 „человѣческой человѣкомъ, такъ человѣкомъ же вошло и
 „воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамъ всѣ умираютъ,
 „такъ и во Христѣ всѣ оживутъ,—каждый въ своемъ по-
 „рядкѣ“, т. е. въ такомъ порядкѣ, что „первенецъ“, по
 „воскресенію,—„Христось“, который потому называется
 „первенцемъ, что за нимъ должны слѣдовать другіе и у-
 „мершіе и воскресающіе; „потомъ же Христовы“, то есть,
 „всѣ вѣрующіе во Христа, которые уже потому необходи-
 „мо воскреснутъ, что имѣютъ первенца въ порядкѣ восп-
 „ресенія (1 Кор. 15, 3 — 8. 11 — 16. 20—23). Можно ли
 „желать болѣе яснаго, основательнаго и убѣдительнаго раз-
 „сужденія, чтобы получить полную и совершенную увѣрен-
 „ность въ воскресеніи христіанскомъ? Не безуміе ли, послѣ
 „сего, было бы сомнѣваться и спрашивать: „какъ воскрес-
 „нутъ мертвые? въ какомъ тѣлѣ придутъ“? И не справед-

ливо ли было бы; вмѣстѣ съ Апостоломъ, отвѣчать всякому сомнѣвающемуся и вопрошающему: „безумный! — то, „что съешь, не оживетъ, аще не умретъ. И когда ты съешь, — съешь не тѣло будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное, или какое другое: Богъ же даетъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло“ (1 Кор. 15, 35—38). Но Апостоль сказываетъ и то, въ какомъ тѣлѣ придутъ воскресше.

Люди не знаютъ другой тѣлесности, кромѣ той, которую мы нынѣ носимъ и видимъ. И такъ Апостоль, сперва какъ бы въ обличеніе такой недалъновидности въ различіи тѣлъ, указываетъ на разные виды оныхъ, доступные и легкому нашему наблюденію, говоря: „не всякая плоть таже плоть; но иная плоть у скотовъ, иная у рыбъ, иная у птицъ; есть, сверхъ сего, тѣла небесныя и тѣла земныя; но иное достоинство небесныхъ, иное земныхъ; и небесныя тѣла различны по достоинству: иная слава солнца, иная слава луны, иная слава звѣздъ, и звѣзда отъ звѣзды разнятся въ достоинствѣ“ (1 Кор. 15, 39—44); потомъ, сказавъ, что „такъ и въ воскресеніе мертвыхъ“, т. е., тѣла воскреснія могутъ быть и будутъ иного достоинства отъ тѣлъ настоящихъ, — тайна, уже намъ въ сей жизни, недоступная, — продолжаетъ: „сѣется“ т. е., полагается во гробъ наше „тѣло тлѣнное, воскресаетъ нетлѣнное; сѣется презрѣнное, воскресаетъ славное; сѣется немощное, воскресаетъ сильное; сѣется тѣло душевное, востаетъ духовное; ибо есть тѣло душевное“, т. е., могущее жить только въ нашей атмосферѣ, и подъ условіями здѣшней тѣлесной жизни; „есть тѣло и духовное“, — не имѣющее уже нужды въ нашемъ воздухѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ — ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни въ снѣ, и прочемъ, и не подлежащее условіямъ здѣшней жизни — ни рожденію, ни смерти, ни браку и размноженію (сн. Мате. 22, 30. Лук. 20, 35. 36, 1 Кор. 6, 13). „Такъ и написано: первый че-

ловѣкъ Адамъ былъ созданъ душею живущею; а послѣдній Адамъ есть духъ животворящій. Первый человѣкъ изъ земли земный; второй человѣкъ Господь съ небеси. Каковъ „земный“, т. е., естественный родоначальникъ всего человѣчества, „таковы и земные“ — всѣ естественные его потомки; „и каковъ небесный“, Иисусъ Христосъ, Глава вѣрующихъ, „таковы и вѣрующіе“ — всѣ послѣдователи и члены сей Главы. „Какъ мы носимъ образъ земнаго“, т. е., подобно ему, въ сей жизни, земны, душевны, тлѣнны; „такъ будемъ носить и образъ небеснаго“, т. е., подобно Иисусу Христу, въ жизни будущей, будемъ по самому тѣлу небесны, духовны, нетлѣнны, — какъ и въ другомъ мѣстѣ тотъ же Апостоль повторяетъ сію же истину, сказывая, что „Иисусъ Христосъ преобразитъ сіе уничиженное тѣло наше, такъ что оно будетъ сообразно славному Его тѣлу“ (сн. Филип. 3, 21). И все сіе разсужденіе Апостоль заключаетъ тѣмъ, что поелику „плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія, ибо тлѣнное не наслѣдуетъ нетлѣнія“; по сему „тлѣнному сему (нашему тѣлу) надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе“; — и когда сіе совершится, „тогда сбудется слово Писанія: поглощена смерть побѣдою“ (1 Кор. 15, 39—45. 47—50. 53, 54). Какъ выразительно здѣсь живописуется надежда воскресенія! — *смется тѣло*, точно какъ зерно, а не бросается, какъ вещь, осужденная на уничтоженіе. Какъ убѣдительно представляется самая необходимость воскресенія! — *подобаетъ тлѣнному сему облечься въ нетлѣніе*. Какъ ясно изображаются свойства тѣла воскресшаго! — Оно будетъ нетлѣнное, славное, сильное, духовное, подобное прославленному по воскресеніи тѣлу Христову.

Но человѣкъ состоитъ не изъ тѣла только, но и изъ души. Такъ есть нынѣ, такъ будетъ и въ воскресеніе. И — другой Апостоль дополняетъ изображеніе христіанина воскресшаго, обращая взоръ нашъ на его совершенство и

по душѣ. „Возлюбленные“, пишетъ Апостолъ Іоаннъ: „мы нынѣ чада Божія есмы; но еще не открылось, что мы будемъ: знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему; ибо узримъ Его, какъ Онъ есть“ (1 Іоан. 3, 2). Узримъ Бога, какъ Онъ есть, значить познаемъ Его не какъ здѣсь познаемъ, *въ зеркаль и каданіи*, или въ нѣкоторыхъ образахъ и по нѣкоторымъ слѣдамъ Его всемогущества, премудрости и благодати, но *лицемъ къ лицу*, не *спроу*, не *виднымъ*, не какъ Онъ являетъ намъ свое божество въ образахъ, но какъ есть самъ въ себѣ, не какъ познаемъ Его нынѣ *отчасти*, но *якоже*, говоритъ Апостолъ, и *познавъ бжжъ* (ερεγνωσθεν), во всей, то есть, полнотѣ, въ какой предоставлено человѣку вѣдать Бога (1 Корин. 13, 12. 2 Корин. 5, 7). Какое совершенное боговѣдніе! Сколь же съ этимъ вмѣстѣ должны быть совершенны и прочія расположенія, состоянія и дѣйствія души человѣка воскресшаго! Тогда для человѣка все здѣшнее *отчасти* упразднится; ибо наступитъ все *совершенное* (1 Корин. 13, 10). Тогда престанетъ и нынѣшняя *вѣра*; ибо въ Кого человѣкъ нынѣ вѣруетъ, Того тогда будетъ зрѣть *лицемъ къ лицу* и вмѣсто мрака вѣры ему возсіяетъ свѣтъ ясновидѣнія. Тогда престанетъ и нынѣшняя *надежда*; ибо чего человѣкъ нынѣ надѣется, то во всей полнотѣ тогда наслѣдуетъ, и мѣсто упованія заступитъ блаженное наслажденіе. Тогда останется одна *любовь*, большая всѣхъ добродѣтелей уже и нынѣ, потому что точнымъ исполненіемъ закона Божія даетъ жизнь и полноту всѣмъ нашимъ добродѣтелямъ; но тогда будетъ большая и по тому, что, по упраздненіи вѣры и надежды, она одна останется, чтобъ погрузить всего человѣка въ лоно Божіей любви.

Таково, Слуш., прекрасное состояніе, въ которое христіанинъ переходитъ чрезъ мракъ гроба и сѣнь смертную, и объясненію котораго дали намъ поводъ и надежда всеобщаго воскресенія, возсіявшая намъ нынѣ изъ гроба Хри-

стова, и кѣнчина почившаго въ Бозѣ Святителя. Чтожъ, если бы кто представилъ намъ Святителя въ полномъ за- гробномъ обновленномъ видѣ, сообразномъ начертаніямъ Апостоловъ, соотвѣтственнымъ тому вѣку, въ который онъ нынѣ перешелъ, съ тѣломъ нетлѣннымъ, свѣтлымъ, слав- нымъ, сильнымъ, духовнымъ, Христову прославленному тѣлу подобнымъ, и съ душою, сіяющею свѣтомъ яснаго боговидѣнія, довольствомъ исполненнаго упованія, и раде- стію любви, *насыщающейя славою Божіею* въ ея откровеніи (Псал. 16, 15): какой бы это былъ видъ небесносвѣтоно- сный! И скорбь ли въ насъ о разлукѣ съ Архипастыремъ возбудило бы такое видѣніе, или лучше, радость о томъ, что онъ, по благоволительному устроенію Божію, поспѣ- шилъ *отгнати* отъ многоболѣзненнаго своего *тѣла*, *вннати ко Господу* (2 Кор. 5, 8), гдѣ встрѣтила его *слава и весе- ліе и радость, и отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе* (Иса. 35. 10)? Но что, если и прежде всеобщаго воскресенія, когда новая жизнь христіанина воскресшаго откроется во всей своей полнотѣ и красотѣ, тѣла праведниковъ начина- ютъ, хотя въ глубокой тайнѣ для насъ, возрадаться тог- да же (*), какъ начинаютъ истлѣвать, подобно тому, какъ и хлѣбное зерно, когда начинаетъ тлѣть, тогда же и воз- раждается? По крайней мѣрѣ, не ведетъ ли къ такому га- данію Апостольское сравненіе христіанскаго тѣла съ зер- номъ пшеницы, и положенія его во гробъ—съ сѣяніемъ

(*) *Plenissime Dominus docuit* (пишетъ св. Ирпней Лион- скій) *Cont. Haeres. L. II. c. 34, non solum perseve- rare non de corpore in corpus transgredientes animas, sed et characterem corporis, in quo etiam adaptantur, custodire eundem, et meminisse eas operum, quae ege- runt hic et a quibus cessaverunt, in ea relatione, quae scribitur de Divite et Lazaro (Luc. cap. 16).... et habere hominis figuram, ut etiam cognoscantur, et meminerint eorum, quae sint hic.*

сѣмень?— А въ такомъ гаданіи столько живоноснаго свѣта, что, смотря на гробъ, намъ предстоящій, хотя и видишь въ немъ тѣло, предающееся тлѣнію, но не хочешь вѣрить, чтобы оно совершенно истлѣвало, а хочешь въ самомъ его тлѣніи, чѣмъ оно быстрее, тѣмъ живѣйшій видѣть процессъ возрожденія для жизни новой сего же самаго истлѣвающего тѣла, подобно какъ въ тлѣющемъ зернѣ уже развивается жизнь новаго растенія,—хочешь это видѣть, и порываешься привѣтствовать Почившаго, какъ живаго: *Х истосъ воскресе!*—Отвѣта намъ не будетъ, можетъ быть, потому, что для него у новаго тѣла нѣтъ проводника въ нашъ міръ стихійный; но, онъ, можетъ быть, отзовется небожителямъ. Можно ли жъ намъ предаваться безутѣшной скорби о Почившемъ? Скорбитъ ли земледѣлецъ, когда бросаетъ сѣмена въ добрую землю? Напротивъ, онъ бросаетъ ихъ съ полнымъ ожиданіемъ ихъ возрожденія, и думаетъ только, каково-то будетъ новое зерно! А мы уже видѣли, каково будетъ тѣло, или лучше, все новое существо этого зерна, которое видимъ въ гробѣ; и мы тѣмъ болѣе увѣрены въ пооблеченіи почившаго Архипастыря въ новый прославленный видъ, чѣмъ болѣе находимъ основанія для такой увѣренности не только въ общемъ христіанскомъ упованіи загробнаго обновленія, но и въ самой его святительской жизни, къ которой и да будетъ позволено теперь обратиться.

Но, обращаясь къ жизни Святителя, я боюсь, Слуш., какъ бы не возмутить его новаго покоя, касаясь дѣль его такъ рано, когда онъ едва только почилъ отъ нихъ. Можетъ быть, его скромность, и здѣсь уже не терпѣвшая выказывать свои добрыя дѣйствія, тамъ, въ состояніи небеснаго просвѣтленія, еще менѣе терпитъ, чтобы его дѣла возвѣщались во услышаніе народное. Но, Блаженная Душа! мы не оскорбимъ тебя лестію, недостойною и тебя и сего священнаго мѣста. Не увеличимъ, а развѣ еще у-

меньшимъ свѣтъ добрыхъ твоихъ дѣлъ, которыя сами собою такъ свѣтятся, что возбуждаютъ всякого, кто ихъ видѣлъ или зналъ, прославлять Отца небеснаго (Матѣ. 5, 16). Не дерзнемъ даже приподнять и всю завѣсу твоей святительской жизни, а благоговѣнно коснемся только послѣдняго ея края. Кто можетъ подумать, чтобы у прекрасныхъ колосевъ не были столь же превосходны и самыя ихъ сѣмена и первые ихъ начатки?—Чтобы совершенному возрасту, столь богатому плодоносіемъ благихъ дѣлъ, не предшествовали соотвѣтственно благонадежныя дѣтство и юношество, воспитаніе и образованіе?—Но какъ при поспѣшномъ убораніи вымолоченныхъ колосевъ довольствуются и вершинами стебеля, отъ колосевъ не отдѣлившимися: такъ и мы, спѣша отдать послѣдній долгъ твоему тѣлу, по самой краткости времени, удовольствуемся только немногими дѣлами, и то послѣдняго только осьмилѣтія святительской твоей жизни, какъ наиболѣе близкими къ послѣднимъ твоимъ днямъ; и сихъ немногихъ дѣлъ коснемся не для того, чтобы тебя прославить—можетъ ли эта слабая рука связать и положить на гробъ твой хотя малый вѣнокъ твоей славы?—нѣтъ, коснемся ихъ только для того, чтобы самимъ себѣ уяснить увѣренность въ загробномъ твоёмъ прославленіи.

Извѣстно, Слуш., что главнѣйшую обязанность святительскаго служенія составляетъ обязанность благовѣствовать Евангеліе Христово. *Аще ли благовѣствую, нѣсть ми похвалы*, говорилъ Апостоль Павелъ, *нужда бо ми належитъ: горе же мнѣ, аще не благовѣствую* (1 Кор. 3, 16). И Преосвященный Кирилль первую для себя обязанностію поставлялъ проповѣдывать слово Божіе ввѣренной ему паствѣ, и точно, какъ Апостоль, считалъ для себя горемъ—не благовѣствовать. Не совершалъ онъ почти ни одного служенія, чтобы не сказать и поученія народу. Даже, при ежегодныхъ посѣщеніяхъ паствы онъ не оставлялъ сего

долга, но проповѣдывалъ во всякомъ мѣстѣ, при удобномъ случаѣ. Отличный даръ произношенія привлекалъ къ его кафедрѣ великое множество не только православныхъ, но даже иновѣрцевъ. Особенныя обстоятельства того края давали ему и особенныя темы для поученій. Почти въ каждомъ изъ нихъ онъ, то прямо, то косвенно, внушалъ своимъ слушателямъ преимущество Восточнаго Православнаго Вѣроисповѣданія предъ Западнымъ Римско-Католическимъ, дабы православныхъ оградить отъ слишкомъ близкаго соблазна къ ослабленію въ православіи, а приверженцевъ иновѣрія склонить къ соединенію съ Православною Церковію. Особенно занимала его мысль собрать и возвратить въ лоно родной матери, Церкви, несчастныхъ ея чадъ, отвлеченныхъ отъ православія въ прежнія или даже въ недавнія времена, въ чемъ при помощи Божіей онъ и успѣвалъ. Такова была его ревность по вѣрѣ и православію!

Но, заботясь о внутреннемъ состояніи ввѣренной ему Церкви, Преосвященный не менѣе заботился и о внѣшнемъ ея благоустройствѣ. Въ самомъ началѣ его вступленія на паству Подольскую, его поразила бѣдность Божіихъ храмовъ, не имѣвшихъ подобающаго благолѣпія. Да не оскорбится симъ память его предшественниковъ! Не во всѣ времена могутъ быть одинаковыя обстоятельства; не всякой и можетъ владѣть средствами, чтобы себѣ покорять обстоятельства, а не самому имъ покоряться; по крайней мѣрѣ, не всегда можетъ составлять укоризну для предшественниковъ непобѣжденность того, преодоленіемъ чего составляетъ честь ихъ преемниковъ. Преосвященный самъ находился въ немаломъ затрудненіи. Народъ бѣденъ; владѣльцы—иновѣры; своихъ средствъ къ украшенію храмовъ у него не доставало: что было ему дѣлать?—Но христіанская ревность по дому Божію—изобрѣтательна, какъ и самопожертвовательна. Преосвященный рѣшился заслужить

довѣріе и расположеніе иновѣровъ-владѣльцевъ; и — какъ бы совершилось чудо вѣры, сказавшей горѣ: *прейди отсюду тамо*, и гора прешла (Матѣ. 17, 20). Благочестивая ревность Святителя увѣнчалась успѣхомъ; достатки сыновъ иновѣрной Церкви понесли въ сокровищницы Православной, для благолѣпнаго украшенія ея храмовъ.

Послѣ рукотворенныхъ храмовъ вниманіе Святителя постоянно было обращено на тѣхъ, которые и сами должны быть и другихъ должны содѣлывать храмами Божиими — духовными (1 Петр. 2, 5. 2 Кор. 6, 16. Еф. 2, 22). Говорю о православномъ Подольскомъ Духовенствѣ. Чтобы улучшить внѣшнее его состояніе, и бѣдное и униженное, надлежало улучшить внутреннее его состояніе, отъ коего зависитъ внѣшнее. И — Преосвященный употреблялъ всѣ бывшія въ его власти мѣры и средства, чтобы возвысить вѣренное ему духовенство какъ въ ученомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи и возвысилъ до того, что самые иновѣрцы стали воздавать оному заслуженное уваженіе. Плодомъ сего было еще и то, что самые иновѣры-владѣльцы сдѣлались гораздо благосклоннѣе къ православному Духовенству, чѣмъ прежде; отъ того и внѣшнее его благосостояніе очень улучшилось въ правленіе Преосвященнаго, который постоянно желалъ, чтобы служители Церкви проходили свое званіе *съ радостію, а не воздыхающе* (Евр. 13, 17). Наконецъ предметами особенной его заботливости были: неукоснительное рѣшеніе дѣлъ, ревностная защита притѣсняемыхъ, и отеческая попечительность о бѣдныхъ духовнаго званія, преимущественно же сиротахъ, для которыхъ онъ не щадилъ ничего, что имѣлъ въ своей власти, и дѣлалъ все, что могъ, чтобы, хотя сколько нибудь, облегчить и усладить горькую долю, ихъ тяготившую.

Но не одно церковное, но и гражданское состояніе паствы обращало на себя все вниманіе и попечительность Преосвященнаго. Сынъ Вѣры и Церкви есть вмѣстѣ гражд-

давинь и сынъ Отечества. Кто не вѣренъ Богу, тотъ можетъ ли быть вѣренъ Государю? И на-оборотъ, кто не вѣренъ Государю, тотъ можетъ ли быть вѣренъ и Богу?— Посему-то какъ въ душѣ самаго Святителя, послѣ вѣрности къ Богу, горѣла вѣрность къ Государю; такъ и въ наставленіяхъ его паствѣ, послѣ убѣжденій объ истинномъ христіанствѣ, главнѣйшимъ предметомъ были убѣжденія о преданности народа къ Престолу. То и другое, кромѣ изустныхъ преданій о пастырской жизни Преосвященнаго, всякой легко усмотритъ въ напечатанныхъ его поученіяхъ. Мысль о преданности народа къ Государю Святитель старался во многихъ своихъ проповѣдяхъ развить со всевозможныхъ сторонъ, чтобы ее глубже вкоренить и прочнѣе утвердить въ сердцахъ слушателей. *«Бога бойтеся, Царя чтите»*, завѣщавалъ Преосвященный своей паствѣ въ прощальной рѣчи своей при отправленіи въ столицу; и, кратко объяснивъ сущность страха Божія, продолжалъ: „съ сы-“ „повнимъ страхомъ къ Богу соедините почтеніе къ Царю,“ „какъ члены гражданскаго общества. Чтите Царя, какъ“ „Помазанника Божія, какъ неусыпнаго Хранителя вашего“ „мира и благоденствія; исполняйте Его велѣнія, какъ (велѣнія) самаго Господа;... возносите о Немъ (Государѣ)“ „молитвы ко Господу; ибо въ тишинѣ и благоденствіи цар-“ „ственнато только престола возможете проводить мирное“ „житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ“. Но таковы же были его наставленія паствѣ и съ самой первой его проповѣди;—наставленія уже сами по себѣ важныя: но кто знаетъ обстоятельства тамошняго края, тотъ легко усмотритъ и особенную мѣстную ихъ важность. Однимъ словомъ, душа Святителя, во все время его пребыванія на сей паствѣ, постоянно ревновала о томъ, чтобы насадить и возрастить въ чадахъ своей Церкви истинную любовь и совершенную преданность къ Престолу и Государю.

Общественное благоденствіе, кромѣ другихъ основаній,

утверждается на взаимной любви членовъ общества, и разрушается взаимною неприязнью. Радѣя душевно и пастырски о вѣншемъ благоденствіи своей паствы, Преосвященный оставилъ ей въ той же прощальной рѣчи своей завѣщаніе и о взаимномъ братолюбіи. „Соединенные многоразличными отношеніями съ подобными себѣ, братство возлюбите“, повторялъ онъ ей слова Апостола; „взирайте, г. е., на ближнихъ своихъ, какъ на членовъ единаго тѣла, какъ на братій единаго Отца; не завидуйте, не вредите славѣ, чести и пользѣ собратій своихъ, но руководствуйтесь во всѣхъ дѣлахъ духомъ благодати, милосердія, кротости, желаніемъ добра всѣмъ подобнымъ себѣ, и любите не только утвердить вѣншее ваше спокойствіе и благоденствіе, но покроетеъ собственные ваши недостатки, усовершенить въ добродѣтели и благочестіи“.

Нужно ли послѣ сего говорить и о личныхъ его качествахъ?—О той его *ангельской* (Апок. 19, 10. 22, 9) *кротости и благодати*, которыя, скрывая величіе его сана, дѣлали его, безъ всякаго затрудненія, доступнымъ для всякаго, и привязывали къ нему истинною любовію и нелицемѣрнымъ уваженіемъ не только его окружавшихъ и православныхъ, но и отдаленныхъ, самыхъ иновѣрцевъ, даже невѣрныхъ (Евреевъ)? О той его *сыновней покорности* Начальству, по которой Онъ, не смотря на крайне болѣзненное свое состояніе, съ душею присорбною, можно сказать, даже до смерти, однакожь не обинулся, подражая Пастыреначальнику Іисусу Христу (Матѣ. 26, 39), съ полнымъ самоотверженіемъ послѣдовать послѣднему Его призыванію въ столицу, — въ путь дальній, на дѣланіе многотрудное?—О той его *апостольской нестяжательности*, по которой онъ все земное свое достояніе, законнымъ путемъ къ нему приходившее, не медлилъ истощать на дѣла благодѣлительности, такъ что не соблюлъ даже для самаго себя довольно собственныхъ средствъ, чтобы бороться съ

злымъ своимъ недугомъ?—О томъ его истинно *страдальческомъ* терпѣніи, съ какимъ онъ переносилъ послѣдній крестъ свой, долго и жестоко его распинавшій, и наконецъ распявшій? О томъ его *христіанскомъ упованіи*, съ которымъ онъ встрѣчалъ послѣднія свои минуты, неоднократно причащаясь святыхъ Христовыхъ таинъ, и не разъ придерживаясь святой иконы,—видимо повергаясь въ предстательство Святыхъ и въ заслуги Христовы?—Но и воображеніе и слово наше изнемогло бы отъ одного наименованія праведническихъ его свойствъ. Все доселѣ упомянутое—не болѣе, какъ только нѣсколько капель отъ полной кади. Но и то, что упомянуто, не представляетъ ли въ немъ истиннаго послѣдователя Христова и Пастыря христіанскаго, осуществившаго въ своей жизни образецъ христіанина и пастыря, начертанный въ Евангеліи? Замѣчательно самое сближеніе его кончины съ временемъ смерти Христовой: онъ скончался въ Великій Пятокъ, около втораго часа по полудни, т. е., по древнему Еврейскому численію времени, около восьмаго часа дня, когда Иисусъ Христосъ былъ уже распятъ (Іоан. 19, 14—18. сн. Матѳ. 27, 45).

Если жъ такова была жизнь почившаго Святителя: то можетъ ли въ комъ оставаться сомнѣніе, что надъ нимъ, какъ надъ достойнымъ пастыремъ, уже исполнились слова Апостола къ достойнымъ пастырямъ: *и явльшуся Пастыреначальнику, пріимете неувядаемый славы вѣнецъ* (1 Петр. 5, 4)? Ибо пусть полное его прославленіе откроется въ день суда всеобщаго: но и нынѣ, когда Святитель отшелъ отъ тѣла ко Господу, не можемъ ли думать, что и самъ Пастыреначальникъ уже явился ему, какъ вѣрному своему слугѣ, и изрекъ: *добръ, рабе благій и вѣрный: види въ радость Господа твоего* (Матѳ. 25, 21)?

Впрочемъ мы не прерѣкаемъ общей христіанской истинѣ, что всѣ наши христіанскія добродѣтели суть плоды не силъ нашихъ естественныхъ, но благодати Божіей, свы-

ше намъ даруемой, а нами только приѣмлемой и употреб-
ляемой; и основываемъ нашу увѣренность въ загробномъ
прославленіи почившаго Архипастыря на его жизни, не
иначе, какъ основывая самую его жизнь на благодати Бо-
жіей. Онъ перешелъ нынѣ къ жизни нетлѣнной и славы
вѣчной потому, что *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смер-*
тію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ, вѣрующимъ въ
Него, особенно же доблественно за Его вѣру подвизавшимъ-
ся, *животъ даровалъ.*

Скажутъ ли еще: что за жизнь въ смерти? и можно
ли не скорбѣть, лишаясь такого Святителя? Но я и не ду-
малъ вовсе изгонять свойственную признательнымъ серд-
цамъ скорбь о потерѣ, столько для насъ драгоценной; но
хотѣлъ бы растворить нашу скорбь настоящею радостію,
дабы, какъ прежде сказано, и ничего не отнять у торже-
ства Вѣры, и воздать долгъ Почившему. А въ смерти со-
зерцаю жизнь, по примѣру первенствующей Церкви, кото-
рая дни кончины *Мучениковъ* называла днями ихъ рожденія
(См. Binghami Antiquit. Eccles. vol. IX. p. 133. Ed. 2.
Halae. 1760). „Смерть мучениковъ не есть смерть, но жизнь
безконечная“, — говорилъ св. Златоустъ (Hom. XLIII. de
Romano Martyre).

Къ тебѣ, о Архипастырь незабвенный! обращаю по-
слѣднее мое слово. *Блаженъ путь, въ оныже идеши ты днесь;*
яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія! И если ты, какъ мы
увѣрены, предсталъ уже Господу, дабы принять отъ Него
неувядаемый вѣнецъ жизни и славы: то, на первый разъ,
просимъ тебя, умоли Пастыреначальника Иисуса Христа,
да благоволитъ не лишать нашу Церковь и Отечество Ар-
хипастырей, тебѣ подобныхъ. А мы о тебѣ даемъ обѣтъ и
выну возносить наши моленія ко Господу, да воздастъ те-
бѣ сугубую мзду за то добро, какое ты, и въ немного-
лѣтную твою жизнь, успѣлъ положить на алтарь Церкви

